

2015 № 4

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Чернушевич В.А.

Принципы организации практики в условиях
сетевого взаимодействия (на примере разработки модуля
«Психологическая профилактика нарушений поведения
и отклонений в развитии») 1–11

Волкова И.В.

Подпольные организации школьников в СССР периода
Большого террора 12–23

Дворянчиков Н.В., Макарова Т.Е.

Половозрастная идентичность у лиц,
совершивших сексуальные насильственные действия
в отношении детей 24–31

Журавлева Т.В., Ениколопов С.Н., Зубарева О.В., Черная М.И.

Клинико-психологические особенности аддиктов
с незавершенными суицидальными
попытками 32–41

Дьяков С.И., Шаблий И.В.

Связь темперамента субъекта преступления с особенностями
правонарушений 42–55

Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В.

Особенности личности жертв противоправных посягательств
в Интернете 56–70

Шпагина Е.М.

Интегрированная природа метода психологического
портретирования в правоохранительной деятельности 71–79

Принципы организации практики в условиях сетевого взаимодействия (на примере разработки модуля «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии»)

Богданович Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, Московский городской психолого-педагогический университет (bogdanovichnv@mgppri.ru)

Делибальт В.В., доцент кафедры юридической психологии и права, Московский городской психолого-педагогический университет (delibalt@yandex.ru)

Чернушевич В.А., доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет (chernushevichva@mgppri.ru)

Рассмотрены принципы интеграции учебных предметов и практик в учебные модули, реализуемые с участием сетевых организаций (стажировочных площадок). Предложены методологические основания модульной организации учебного процесса в рамках магистерской программы. При этом синтезируются *деятельностный, компетентностный и психотехнический подходы. Сетевое взаимодействие* ведущей кафедры со специально отобранными базовыми организациями практики решает проблему деятельностной организации содержания модульной подготовки. Рассматриваются основные варианты сетевого взаимодействия с базами практики, предлагаются *методические принципы* построения учебного модуля практико-ориентированной подготовки, основной из которых – рефлексивно-деятельностный характер сетевого взаимодействия. Предложено деятельностное содержание учебного модуля «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии», основанное на содержательном психологическом определении психопрофилактики как направления профессиональной деятельности психолога.

Ключевые слова: учебный модуль, сетевое взаимодействие, юридическая психология, практика, деятельностный подход, методические принципы, психопрофилактика.

Методологические основания разработки модульной организации учебного процесса

Магистратура является второй ступенью высшего профессионального образования и предполагает особую тщательность подготовки специалиста к выбранной по профессии практической деятельности. Особенность современной ситуации состоит в том, что нет особых требований к начальному уровню готовности к профессиональной деятельности для абитуриентов магистратуры. Таким образом, делается необходимым включение в программу подготовки практик по основным видам профессиональной деятельности в выбранном направлении подготовки. Это становится условием деятельности организации всего учебного материала профессиональной подготовки. Практики по определенным видам деятельности в сочетании с практикумами и соответствующими теоретическими дисциплинами образуют учебные модули. Впервые методологические основания такого рода подготовки были разработаны в рамках инновационного проекта при разработке методического обеспечения практики по ООП ВПО в рамках стандарта 0300302 – Психология (специализация «Юридическая психология») [6; 10].

Методологической основой разработки углубленной профессионально-ориентированной практики явился деятельностный подход, разрабатываемый Московской психологической школой (А.Н. Леонтьев [8]), согласно которому профессиональное сознание определяется мотивированной профессиональной деятельностью, в которую магистрант необходимо включается на базе практики. Учебная деятельность в учебном модуле «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии» методически регламентируется в соответствии с основными положениями теории учебной деятельности (Н.Ф. Талызина, Т.В. Габай [5]), согласно которым знания, подлежащие усвоению, должны быть представлены в формате программ профессиональной деятельности (целостных норм психопрофилактической работы, возможно, разного уровня конкретизации). Содержание профессиональной подготовки психологов, таким образом, предстает в деятельностной форме (психотехническая теория (Ф.Е. Василюк [3])). А условия реализации профессиональной подготовки соответствуют основным принципам контекстного подхода (А.А. Вербицкий [4]), согласно которому учебный процесс размещается в контексте развертывания профессиональной деятельности (от запроса на психологическую помощь до ее осуществления с учетом всего социального контекста практической ситуации). Соответственно этим положениям разработана система методических принципов построения модуля и определения содержания профессиональной подготовки по психологической профилактике нарушений поведения и отклонений в развитии (как и что осваивается в модуле).

Базовые организации практики: варианты взаимодействия

Особенности и преимущества модульной организации учебного процесса состоят в особой (системообразующей) роли производственной практики и, соответственно, особой роли организации – базы практики, и особой методической организации взаимодействия дисциплин и практики в рамках модуля [7].

Если реалистично посмотреть на традиционный учебный процесс, то можно заметить, что наука (теоретические дисциплины) и практика (производственная практика и практикумы) существуют в нем достаточно *автономно*. Обычно производственная практика и прочие учебные курсы разделены во времени и пространстве. В лучшем случае, если производственная практика уже стала тематической, а не просто первой, второй или третьей, инструктивный спецкурс предваряет практику.

Ответственность за деятельностную сборку и реализацию комплекса разнопредметных научных знаний ложится на самих студентов и руководителей практики в базовых организациях (практиков).

В рамках сетевой методической организации учебный процесс изначально имеет *научно-практическую* ориентацию (дисциплины и практики идут в связке, как при специальной подготовке [12]), которая, прежде всего, предполагает построение системы практик, состоящей из основных тематически определенных видов деятельности специалиста [11]. Эта система строится с опорой на модель деятельности специалиста соответствующего профиля [2]. Число практик соответствует числу основных видов деятельности будущего специалиста (магистра, если проектируется учебный процесс в магистратуре). Типизация деятельности приводит к компетенциям.

Сеть организаций, совместно полноправно реализующих учебную программу, необходима именно для того, чтобы предоставить наилучшие условия для завершения освоения каждого из учебных модулей [9]. Например, модуль клинико-психологической подготовки целесообразнее проводить на базе клинической психиатрической больницы или психоневрологического интерната, модуль, направленный на коррекцию девиантного поведения, удобнее всего проводить в сотрудничестве со школой для подростков с девиантным поведением и т. п.

Рассмотрим проблему выбора базы практики на примере разработки модуля *«Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии»* 44.04.02 – Психолого-педагогическое образование по профилю подготовки магистров *«Школьная психология»*.

При разработке учебного модуля подробно рассматривались требования к базам практики и ее специалистам-психологам, обеспечивающим реализацию идей модуля.

Если взять в качестве базы практики большие комплексы, создаваемые в последнее время, то там недостаточно условий для реализации содержательной программы практики. Прослеживается тенденция реформирования психологической службы с переходом на аутсорсинг к ближайшим психологическим центрам. Это приводит к тому, что психологическая ситуация в крупных образовательных подразделениях (500–800 учащихся) в лучшем случае остается под контролем единственного психолога, в задачу которого входит психологический мониторинг и контакты с обслуживающими организациями психологической помощи, такими как Центры психолого-медико-социального сопровождения, Центры диагностики и консультирования, обладающими специализированными ресурсами психологической помощи. В этих условиях у специалистов образовательных организаций нет возможностей самостоятельно вести весь цикл психопрофилактической работы, на который нацелена подготовка магистрантов и обеспечивать профессиональную супервизию практики магистрантов.

Таким образом, поиск базы практики вызывает определенные трудности, так как необходимо сочетать высокую квалификацию специалиста (что обычно встречается в специализированных центрах) с возможностью проведения всего цикла психопрофилактической работы в контексте образовательного учреждения, соответствующего компетенциям магистрантов, заявленных как цели подготовки.

При анализе перечня возможных претендентов на роль базовой организации практики учитывались вышеназванные основные факторы. Прежде всего, особое значение имеют способности и практический опыт специалистов. Они должны обладать и практическим опытом всех звеньев психопрофилактической работы, и опытом

наставничества. Как правило, это характерно для уровня профессионального образования и опыта руководителя психологической службы образовательного учреждения, в котором имеются все ступени общеобразовательной подготовки. Соответственно, в число баз практики должны войти образовательные организации, имеющие таких работников.

С базой практики возможны три основных специфических варианта сотрудничества (мы не рассматриваем традиционный вариант, когда практика вообще не имеет тематической направленности деятельностного формата и студенты после плановых теоретических курсов направляются в организации без определенного перечня практических заданий).

У каждого специфического варианта свои достоинства. Первый вариант – обычная не динамическая содержательная связь дисциплин и практических заданий на практику. Практике предшествует связанная с практикой дисциплина (например, «Психодиагностика» для психодиагностической практики), в лучшем случае практике предшествует не только теоретическая дисциплина, но и соответствующий практикум. Оценка кафедрой опыта, полученного магистрантами на базе практики, проводится, в основном, после окончания практики, на основе анализа отчета, защиты его на итоговой конференции и отзыва непосредственного руководителя с базы практики. Руководитель практики от кафедры является ведущим профильного курса.

Оперативное управление становлением компетенций обучаемых осуществляется в основном ресурсами специалистов-практиков базы практики. Это самый слабый вариант сотрудничества, в значительной степени напоминающий хорошо организованную традиционную практику.

Второй вариант – при наличии в программе практики тематических деятельностных заданий производится «зашнуровка» попыток практической деятельности на базе (с минимальным участием и организационной поддержкой специалистов базы) с научно-методической рефлексивной работой на кафедре под руководством профильных специалистов кафедры. Типовые профессиональные действия отрабатываются на кафедре в достаточно условных практических ситуациях, после чего реализуются в конкретных условиях базовой организации. Такая организация взаимодействия предполагает работу с типизированными актуальными запросами (например, на групповое сплочение, проблемы общения, коммуникации, снятие агрессии) в рамках специализации на основе научно-методических разработок ведущей кафедры. В этом случае запрос *реальный, но внеситуативный*. Студент ориентирован на *профессиональный опыт кафедры, но этот опыт реализуется им в конкретных условиях запроса базовой организации*. Предварительная отработка запроса происходит на мастер-классе кафедры (спецпрактикуме), там же происходит и рефлексивная проработка каждого шага в осваиваемой деятельности.

Этот вариант позволяет по ходу практики оснащать магистрантов последними разработками кафедры по профильной деятельностной тематике. Однако у него есть и свои недостатки, а именно, руководство осуществляется отсрочено и проводится на принципиальном уровне, супервизия практической деятельности практиканта в реальной обстановке фрагментарна. Так как рефлексивная работа ведется на кафедре и с целой группой магистрантов, уникальность практической ситуации, в том числе успешность подстройки, ситуативной доработки программы психологической работы по критериям кафедры, затруднена. Это осложняет трансляцию научно-методических разработок кафедры силами магистрантов в практику баз практики.

Третий вариант (практически реализованный при апробации модуля) предполагает большое количество кадровых кафедральных ресурсов по руководству практикой. При нем

преподаватели кафедры являются непосредственно практическими психологами соответствующего профиля на базе практики. Они же ведут профильный учебный курс, который носит рефлексивный характер и переплетен во времени с практическими попытками профессиональной деятельности на базе практики. Рефлексивный характер курса предполагает наличие в его программе возможности использования *ситуативного материала запроса* на профилактическую работу, а также материалов проблемных ситуаций, связанных с трудностями реализации разработанных магистрантом программ профилактической работы. Необходимым элементом курса, как и практики, в этом варианте является супервизия (непосредственное рефлексивное участие руководителя в практических попытках магистранта).

Второй и третий варианты взаимодействия ведущей кафедры и базы практики характерны для сетевой организации взаимодействия университета и базовых организаций.

Методические принципы построения учебного модуля практико-ориентированной подготовки

Предварительная апробация модуля с участием базовой организации, реализующей практику позволила выделить некоторую систему принципов, на которых должен строиться модуль в системе деятельностной подготовки в магистратуре.

1. При обсуждении принципов организации практико-ориентированной подготовки в магистратуре прежде всего нужно сказать о *полноте, целостности организации психологической деятельности* на каждой из практик и фокусированности рефлексии на решении определенных задач в контексте всей целостности.

Например, даже на первом ознакомительном этапе практики, в какой бы организации ни был студент, он должен заметить всю полноту цикла психологической работы: фиксация запроса на психологическую помощь – исследование ситуации – программирование помощи – реализация программы помощи (сама помощь). Одним из критериев отбора базы практики должно быть удобство демонстрации всего спектра запросов и видов психологической деятельности, отвечающей этим запросам.

2. С первого дня обучения в модуле должен быть обеспечен *контакт студента с целостностной осваиваемой профессиональной деятельностью и ее контекстом в организации* – на стажировочной площадке.

Это обеспечивается, во-первых, за счет знакомства на первом этапе модуля с особенностями практической работы специалистов психологической службы образовательной организации и их контактами с субъектами образовательной среды. Ключевым является уяснение содержания конкретных запросов на психологическую помощь, поступающих от субъектов образовательного пространства организации к специалистам психологической службы. Запросы могут быть тематизированы в связи с особенностью тематической организации учебного модуля (например, запросы, ведущие к разворачиванию психопрофилактической работы). Во-вторых, студентам реально демонстрируется (показываются не только документальные свидетельства) весь цикл профессиональной работы по теме модуля как целостный опыт специалиста. При этом студенты должны получить первичные представления о методах работы специалистов, используемых на всех этапах работы, – от способов выявления запроса до его практического удовлетворения при реализации психопрофилактической программы.

3. Особое внимание в рамках модульной организации обучения должно уделяться *учебной и профессиональной мотивации*. Профессиональная мотивация обеспечивается за

счет личного контакта студентов психологов с субъектами запроса на психологическую помощь. Учебная мотивация обеспечивается за счет знакомства с реальными возможностями оказания этой помощи профессиональными средствами, доступными для освоения, и ощущения магистрантом недостаточности своей подготовленности к этому. Важен также учет личных предпочтений магистрантов при выборе запроса для индивидуальной разработки. И то и другое поддерживается и усиливается за счет вышеназванного контакта с целостностью профессиональной деятельности и ее субъектным контекстом в данной организации.

4. В учебных дисциплинах, сопровождающих практику, должна быть представлена вся *полнота содержания осваиваемой профессиональной деятельности* (в нашем случае – психологической профилактики нарушений поведения и отклонений в развитии). Она должна быть выражена в цикле связанных в определенной последовательности видов деятельности, необходимых и достаточных для реализации психопрофилактической цели, определяемой запросом на психологическую помощь: от деятельности по выявлению запроса на профилактику до деятельности по реализации профилактических программ и завершающей цикл диагностики.

5. Принцип *связи теоретических и практических учебных дисциплин с практикой* – системодетельностный или, точнее, рефлексивно-детельностный, т. е. дисциплина подключается к практике как нормирующая ее или как обеспечивающая критическую рефлексию уже полученного опыта для его осмысления и, в результате, утверждения или переработки средствами перенормирования. Следствием этого принципа является сложное переплетение дисциплин модуля с практическими опытами студентов на базе практики. Все дисциплины обслуживают практику, включаясь в ее ткань. Способы включения предполагаются двух типов.

Теоретические дисциплины (в нашем случае это дисциплина «Профилактика девиантного поведения»), обеспечивающие инструментальное мышление студентов при анализе и проектировании программ профессиональной деятельности, используют практические ситуации базы практики для демонстрации применимости к ним средств теоретического анализа и проектирования. Здесь могут использоваться и типизированные случаи, однако полезнее, если конкретные случаи, имеющиеся в эмпирической учебной базе модуля (накапливающиеся год от года) на этом курсе будут типизироваться с участием студентов. Процесс типизации будет служить средой освоения инструментов теоретического анализа и проектирования психопрофилактических ситуаций. Дисциплина может вестись в отрыве от практики после первого ее ознакомительного этапа.

Основой для данной дисциплины и последующего практикума является содержательное определение психологической профилактики (Н.В. Богданович, В.В. Делибалт и А.В. Дегтярев) как «направления деятельности психолога, целью которого является создание ресурсных условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам» [1, с. 4].

Практико-ориентированные дисциплины, конечной целью которых ранее являлось создание конкретных программных продуктов и их реализация в модельных условиях, в условиях модуля, непосредственно связаны с практическими ситуациями на базе. Занятия на них чередуются с практической работой уже не в модельных, а в реальных ситуациях реализации цикла профессиональной деятельности (в нашем случае это такие дисциплины, как «Практикум по разработке программ профилактики нарушений поведения», «Отклоняющееся развитие: девиантное поведение и дизонтогенез»).

6. *Совместно-разделенная деятельность преподавателей кафедры и специалистов базы* предполагает несколько уровней конкретизации программных разработок по психопрофилактике. Наличие теоретической основы разрабатываемых программных продуктов делает возможной в процессе программирования типизацию запросов и, соответственно, типизацию программных продуктов, пригодных для многих психопрофилактических ситуаций и многих субъектов психопрофилактики (студентов), однако их использование в конкретной ситуации затруднено. Чтобы быть применимыми, они еще должны пройти конкретизацию, учитывающую определенную ситуацию появления запроса на психопрофилактическую работу. Процесс конкретизации, привязки типовых решений к определенным условиям реализации должен быть особым предметом освоения студентов. В модульной подготовке для этого созданы все организационные условия. Для решения задачи конкретизации студент выходит на базу и, собрав необходимые сведения, возвращается на кафедру дорабатывать программы психопрофилактики, чтобы затем выйти на базу уже для реализации привязанной к ситуации программы деятельности. Второй этап конкретизации происходит непосредственно при реализации программы и учитывает ситуационные факторы, которые невозможно предусмотреть заранее. Эта работа проводится студентом под супервизией руководителя базы практики. Результаты такой ситуативной доработки могут обсуждаться и на кафедре при рефлексивном анализе успешности выполнения очередного блока психопрофилактической работы.

7. *Поэтапный рефлексивный анализ реализации программы деятельности на базе практики* позволяет поддерживать мотивацию студентов, создавая эффект опыта позитивных достижений на всех этапах модульной подготовки. Позитивные достижения фиксируются и оцениваются на всех этапах обучения: от обнаружения и фиксации целей психопрофилактической помощи до реализации запросов на нее в программах психопрофилактики и практической реализации запроса с получением обратной связи и от учащихся, и от их педагогического окружения.

8. Обязательным для рефлексивной проработки является *опыт установления контактов студента со всеми субъектами образовательного пространства*, в котором разворачивается психопрофилактическая деятельность.

9. *Принцип трансляции научных разработок* кафедры через магистрантов в деятельность специалистов базы практики. Участвуя в процессе разработки типовых программ и их конкретизации в условиях базы практики, студенты получают возможность критериально оценить программы, действующие на стажировочной площадке и реализуемые специалистами, и помочь вывести их, в случае необходимости, на новый научно-методический уровень, сделав предметом своей научно-исследовательской работы.

10. *Принцип индивидуализации подготовки* обеспечивается при ее модульной организации. Практические задания, цепь и система которых предполагается при модульной подготовке, начинает индивидуализироваться практически с первых дней соприкосновения с практикой. Именно в практической ситуации выявляются индивидуальные особенности студентов, появляется уникальная возможность отслеживать продвижение каждого студента, путем предложения ему нагрузки в зоне его ближайшего развития, что делает, таким образом, учебный процесс наиболее эффективным.

Важно заметить, что начинается модуль с практики, где проходит первичное знакомство с организацией и ситуациями запроса на психопрофилактическую помощь, идет массированное погружение в инструментальную (средственную) подготовку, необходимую для работы с этими запросами. На следующем этапе делаются периодические возвраты в практику для отработки сначала программы, а потом и практических действий, что

сопровождается также периодическим возвратом на кафедру для планирования очередного блока программы или для рефлексивного анализа возникающих в практике проблемных ситуаций. Завершается модуль рефлексивным анализом полученного опыта с участием супервизоров базы и кафедры. Очевидно, что по мере освоения средств программирования центр тяжести пребывания студента в модуле смещается в практическую область.

Выводы

Наилучшим вариантом реализации модульной подготовки является сетевое взаимодействие вуза и базовых организаций практики, руководители и ресурсы которых подбираются с учетом специфики соответствующих модулей. Система модулей, их содержание определяются деятельностной моделью специалиста (основными видами профессиональной деятельности). Связь практики с другими учебными дисциплинами должна носить рефлексивно-деятельностный характер.

Предложенные методические принципы организации учебных модулей, а также разработанные варианты взаимодействия баз практики и ведущей кафедры могут иметь практическое значение для организации профессиональной подготовки по специальностям психолого-педагогического направления.

Литература

1. *Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.* К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru 2012. №2. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2909.phtml> (дата обращения: 25.05.2015).
2. *Богданович Н.В., Чернушевич В.А.* Деятельностная модель юристического психолога [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (дата обращения: 23.05.2015).
3. *Василюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. №1. С. 15–32.
4. *Вербицкий А.А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: ИЦ ПКПС, 2004. 84 с.
5. *Габай Т.В.* Учебная деятельность и ее средства. М.: Изд-во МГУ, 1988. 256 с.
6. *Делибалт В.В., Чернушевич В.А.* Концепция и учебный план проблемноориентированной практики студентов программы основного высшего образования по специальности «Психология», специализации «Юридическая психология». М.: НФП «Смысл», 2007. 20 с.
7. *Егорова М.А., Кузнецова О.В., Леонова О.И.* Стажировочная площадка – пространство практико-ориентированной подготовки педагогических кадров // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 1 (44). С. 55–60.
8. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
9. *Марголис А.А.* О подготовке кадров для психолого-педагогического

сопровождения новых стандартов // Бюллетень Учебно-методического объединения вузов РФ по психолого-педагогическому образованию. 2012. № 2. С. 26–28.

10. Чернушевич В.А. Концептуальные основания методической организации психологической практики в учебном процессе подготовки психологов по специализации «Юридическая психология» // Юридическая психология. 2009. № 4. С. 31–37.
11. Чернушевич В.А. Особенности тематической организации единиц учебного содержания при реализации деятельностного подхода к обучению [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru 2011. №1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39939.shtml (дата обращения: 23.05.2015).
12. Чернушевич В.А. Проблемы формирования компетенций при подготовке по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» // Юридическая психология. 2013. № 1. С. 24–26.

Principles of Practical Training Organization in a Networking (Development of the Module "Psychological Prevention of Behavioral Disorders and Abnormalities in Development" as Example)

Bogdanovich N. V., Associate Professor, Chair of Forensic Psychology, Department of Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (bogdanovichnv@mgppu.ru)

Delibalt V.V., Lecturer, Department of Juridical Psychology, Faculty of Juridical Psychology, Head of Laboratory of Juvenile technologies, Moscow State University of Psychology and Education (delibalt@yandex.ru)

Chernushevich V. A., Associate Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (chernushevichva@mgppu.ru)

The article presents principles of inserting study subjects and practices in educational modules running with network organizations (internship sites). We proposed a methodological basis of the modular organization of educational process in the framework of the master's program, combined the activity, competence and psychotechnical approaches. Networking of leading chair and specially selected organizations providing the base for practical training solves the problem of organizing activity-related content of educational module. We discussed the main options for networking with the databases of practice and offered methodological principles of designing the educational practice-oriented module, wherein the main principle is the reflexive and activity character of networking. We proposed activity-based content of educational module "Psychological prevention of behavioral disorders and abnormalities in development", based on the substantial psychological definition of psychoprophylaxis as a directions of professional activity of the psychologist.

Keywords: educational module, networking, legal psychology, practice, activity approach, methodological principles, psychoprophylaxis.

References

1. *Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.* K voprosu obosnovaniya modeli professional'noi deyatel'nosti [On the question of model validation professional activity]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2012, no 2. Available at: <http://www.psyedu.ru/journal/2012/2/2909.phtml> (Accessed 25.05.2015)
2. *Bogdanovich N.V., Chernushevich V.A.* Deyatel'nostnaya model' yuridicheskogo psikhologa [The activity model of legal psychologist]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2013, no 4. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (Accessed 23.05.2015)
3. *Vasilyuk F.E.* Ot psikhologicheskoi praktiki k psikhotehnicheskoi teorii [From psychological practice to psychotechnical theory]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal]. 1992. №1. pp.15 – 32.
4. *Verbitskii A.A.* Kompetentnostnyi podkhod i teoriya kontekstnogo obucheniya [Competence approach and the theory of contextual learning]. Moscow, Publ. ITs PKPS, 2004. 84 p.

-
5. *Gabai T.V.* Uchebnaya deyatel'nost' i ee sredstva [Educational activity and its resources]. Moscow, Publ. MGU, 1988. 256 p.
 6. *Delibalt V.V., Chernushevich V.A.* Kontseptsiya i uchebnyi plan problemnoorientirovannoi praktiki studentov programmy osnovnogo vysshego obrazovaniya po spetsial'nosti «Psikhologiya», spetsializatsii «Yuridicheskaya psikhologiya» [The concept and practice of problem-oriented curriculum students the basic program of higher education in the specialty "Psychology" specialty "Legal psychology"]. Moscow, Publ. «Smysl», 2007, 20 p.
 7. *Egorova M.A., Kuznetsova O.V., Leonova O.I.* Stazhirovochnaya ploshchadka – prostranstvo praktiko-orientirovannoi podgotovki pedagogicheskikh kadrov. Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana [Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana], 2013, no 1 (44), pp. 55 – 60.
 8. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Publ. Politizdat, 1977. 304 p.
 9. *Margolis A.A.* O podgotovke kadrov dlya psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya novykh standartov [On the training of personnel for psychological and pedagogical support of new standards]. Byulleten' Uchebno-metodicheskogo ob"edineniya vuzov RF po psikhologo-pedagogicheskomu obrazovaniyu [Bulletin of Educational and methodical association of universities of the Russian Federation on the psycho-pedagogical education], 2012, no 2, pp. 26 – 28.
 10. *Chernushevich V.A.* Kontseptual'nye osnovaniya metodicheskoi organizatsii psikhologicheskoi praktiki v uchebnom protsesse podgotovki psikhologov po spetsializatsii «Yuridicheskaya psikhologiya» [Conceptual grounds for methods organization of psychological practice in educational process of training of psychologists on specialization «Juridical psychology»]. Yuridicheskaya psikhologiya [Juridical Psychology], 2009, pp. 4, pp. 31 – 37.
 11. *Chernushevich V.A.* Osobennosti tematicheskoi organizatsii edinits uchebnogo sodержaniya pri realizatsii deyatel'nostnogo podkhoda k obucheniyu [Features of the Thematic Organization of the Learning Content Units in the Implementation of the Activity Approach to Learning]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2011, no 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39939.shtml (Accessed 23.05.2015).
 12. *Chernushevich V.A.* Problemy formirovaniya kompetentsii pri podgotovke po spetsial'nosti «Pedagogika i psikhologiya deviantnogo povedeniya» [Problems of formation of competences in training for the profession of «Pedagogy and psychology of deviant behavior»]. Yuridicheskaya psikhologiya [Juridical Psychology], 2013, no 1, pp. 24 – 26.

Подпольные организации школьников в СССР периода Большого террора

Волкова И.В., доктор исторических наук, профессор школы исторических наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (wolkowa-irina@yandex.ru)

Статья посвящена изучению организованных подростково-юношеских группировок с делинквентным и политическим уклонами в период Большого террора 1936-1938 гг. Несмотря на высокий уровень напряженности в обществе, подростки и юношество этого времени не прекращали попыток создания на основе самоорганизации нелегальных, альтернативных комсомолу и пионерии группировок. На базе архивного материала воссоздается полный список таких объединений, анализируется их состав, планы, методы и результаты деятельности. Реконструируются мотивационные основания типов поведения вовлеченных в них подростков, раскрываются взаимосвязи между делинквентностью и политическим протестом в активности учащихся. Проведенная работа подводит к заключению о причинах относительно небольшого веса оппозиционных группировок с преимущественно политической специализацией среди подростков и юношества в рассматриваемый отрезок времени.

Ключевые слова: организованные нелегальные сообщества подростков и юношества, делинквентное поведение, политический протест, взаимосвязи между делинквентностью и политическим протестом.

Тайные общества, нелегальные организации среди школьников периода наивысшего напряжения в советском обществе, вызванного тремя московскими процессами 1936-1938 гг., еще не были предметом исследований, если не считать журналистской заметки «Контра с портфелями» [1] и упоминания в издании общества «Мемориал» о раскрытой в канун Великой Отечественной войны органами НКВД подпольной группировки тайшетских школьников «Союз революционной борьбы» [3]. Правда представление о ней ограничивается скухими сведениями о критике политики советского руководства, изготовлении нескольких листовок и подготовительной работе к свержению власти Коммунистической партии и советского правительства. Вместе с тем, заявленная тема позволяет лучше представить реальную обстановку, в которой происходило становление поколения, вынесшего на своих плечах все тяготы и испытания войны, а также выяснить состав ценностных ориентаций и размеры нонконформизма в этом поколении. Нелегальные организации – продукт своего рода самостоятельного творчества юношества – самим фактом своего появления как минимум указывали на неудовлетворенность членством в массовых, созданных властью организациях – пионерской и комсомольской. Как максимум – на неприятие этих организаций, равно как ценностей и идеалов правящего режима и политики советского руководства. Воссоздание образов юношеской конспиративистики в той мере, в какой это позволяют сделать источники, дает возможность оценить практическую отдачу разнообразной работы по насаждению идеологием, представлений и верований существующего строя, которая в официальных документах определялась как «коммунистическое воспитание учащихся». В частности, увидеть провалы этой работы, которые в немалой степени способствовали возникновению неподконтрольных школе и комсомолу очагов самоорганизации учащихся. Наконец, количественный учет таких группировок, в большем или меньшем приближении, позволил выявить процент политически нелояльных учащихся, а также учащихся с разными формами девиаций. За основу учета были взяты те объединения, в которых прослеживаются признаки организационной структуры: условия членства, устав или же предписанная модель повеления, программа или план деятельности, головное звено, ритуалы и практики, символы.

Значительный документальный массив по данной теме образовался за счет деятельности комсorghов ЦК ВЛКСМ, которые с 1935 г. вводились в школы крупных городов. Руководя идейно-политическим воспитанием школьников, они одновременно методично фиксировали разного рода отклонения от генеральной линии партии в детском и взрослом коллективах и докладывали о них в ЦК ВЛКСМ, которому были напрямую подчинены. Именно их донесения, наряду со сводками информации, поступавшими по линии НКВД и политотделов разных госучреждений, попадали в записки, отчеты и справки городских, республиканских и союзного комитетов ВЛКСМ. Данные документы, составляющие основную часть документальной базы, содержатся в фонде М-1 РГАСПИ (ЦК ВЛКСМ), а также Ф. П-635 ЦГАМ (Московский комитет ВЛКСМ).

Другой документальный массив образовался по ходу обсуждения учебно-воспитательной работы школ в стенах Наркомпроса. Это – стенограммы совещаний, докладные записки руководителей и инспекторов отделов народного образования разного уровня, письма и записки, адресованные руководству наркомата отдельных его работников и родителей учащихся. Эти документы сосредоточены в ф.2036 ГАРФ (Министерство просвещения РСФСР). Несмотря на то, что педагоги специально не отслеживали настроений и противозаконной деятельности учащихся, они не могли оставаться в стороне от тех нештатных ситуаций, которые время от времени сотрясали школу. Этот комплекс также содержит информацию по интересующему нас вопросу, хотя и более скудную, чем материалы

комсомольского мониторинга. Взятые вместе обе подборки документов позволяют создать панораму нелегальных организаций школьников. Для их структурирования и анализа попробуем оценить их по условным шкалам. Во-первых, оппозиционности существующему режиму с его запросами к подрастающему поколению и насаждаемыми ценностными ориентациями. Во-вторых, делинквентности, под которой понимается отклоняющееся поведение в крайних своих проявлениях, максимально приближенное к криминальному [4].

Очевидно, что вблизи нулевой отметки и той, и другой шкал могла бы разместиться группа школьников «Союз отважных» из г. Постышево (ныне Красноармейск Донецкой обл.). О ней в начале 1937 г. доносил помощник начальника полиотдела Одесской железной дороги в политуправление Наркомата путей сообщения. Она насчитывала 11 девушек-учениц 9-х – 10-х классов 22-й школы, почти все – комсомолки, отличницы и хорошистки и даже участницы кружковой работы в школе. Тем не менее, не довольствуясь последней, девушки создали свой союз и разработали для него программу со следующими положениями: «Никогда не ссориться, а если, в противном случае поссоримся, сейчас же...мириться, всегда выручать друг друга из беды, несмотря ни на что, помогать друзьям в их беде, никогда не обижать друг друга, исполнять приказания Союза, что бы то ни было, делиться хорошими вещами, жить честно и бороться с некультурностью. Делиться конфетами». В повестку дня первого же заседания вошли пункты: «1. Утверждение программы; 2. Организация вечеринок; 3. Сбор средств и обсуждение сметы; 4. Кто кого любит?».

Аполитичность, определенное копирование в межличностных отношениях уклада жизни молодежных коммун, популярных еще в конце 1920-х, начале 1930-х (делиться «хорошими вещами» и «конфетами»), идеалы честности, беззаветной дружбы, взаимовыручки и «культурности», восходящие к топосам официальной идеологии, – все это отражало последовательную и даже усвоенную в максималистском варианте советскую идентичность. Что же могло показаться подозрительным недремлющим органам в этом девичьем объединении? Во-первых, обособление от комсомола и флер таинственности, во-вторых, стремление к утверждению собственной организационной структуры с программой, вступительным взносом в размере 50 коп., проведением собраний. Автор донесения связывал саму инициативу девушек с бездействием комсомольской организации школы («была оторвана от учеников, не вела авангардной роли..., никакой работы среди девушек не ведется») [6, д. 1257, лл. 84-85].

Другая организация школьников из Рославля может быть отнесена к середине условной шкалы враждебности правящему режиму. Один из основателей организации – Александр Панов, восьмиклассник 13-й школы Рославля – еще в 1934 г., будучи пионером, предлагал присвоить своему пионеротряду имя Троцкого. В домашней библиотеке он держал портреты осужденных партийных оппозиционеров, а позднее отговаривал товарища от вступления в комсомол: «...если ты вступишь в комсомол, будешь последним животным». Вместе с двумя соучениками он создал подпольную ячейку – «союзное бюро», которая сразу же занялась разработкой декларации своего объединения, символа, условных знаков и паролей. А самое главное – изданием рукописного журнала «Грусть века», затем переименованного в «Серапионовы братья» (в честь литературного объединения 1920-х), который должен был стать и площадкой общения со сверстниками, и инструментом влияния на них. На его страницах под псевдонимами А. Слезберг, В. Шершеневич, А. Беспкойный, де ла Фер, Вольтер, А. Мариенгоф со стихами, литературно-критическими очерками и зарисовками из текущей жизни выступали восемнадцать постоянных авторов. Судя по некоторым псевдонимам, опросу мнений авторов и читателей о символистах и имажинистах, а также восторженному очерку о С. Есенине, «коньком» журнала должен был стать Серебряный век русской литературы. На эту склонность указывал и информатор,

сообщая, что основатели журнала своей задачей «поставили писать обо всем том, что отвергнуто нашей современной советской литературой (грусть, тоска, скука, упадничество, маловерие, нытье и т.д.)». Коллаж из стихотворных строф, приведенный в документах, показывает, что вдохновители журнала делали ставку на развитие индивидуального сознания и независимого взгляда на литературу и окружающий мир у своих авторов и читателей:

Мы выпускаем свой журнал
И называем «грустью века».
Мы хотим, чтобы каждый знал
В чем есть цель жизни человека.
Отчего у нас люди не смелы
И боятся свой труд показать,
Потому что боятся – не скажем им дело,
А постараемся их осмеять.
Так слушай же, товарищ мой,
Приди в журнал ты к нам,
Не будь ты для других слугой,
А будь хозяин сам.

Развиться журнал поможет,
Точку опоры найдет,
Мысль тебе в голову вложит,
Делом на помощь придет.

В некоторых стихотворных строчках открыто выражалось разочарование в жизни, и даже готовность с ней расстаться, очевидно, навеянная финалом жизненного пути любимого Есенина и подражательным уходом некоторых из его пламенных почитателей:

А как глянешь на жизнь из окна
Самому мне становится жутко
Для чего же нам жизнь дана,
Жизнь – кровавая, злая шутка.

Скука жить не дает,
Ходишь вечно мрачный,
Пессимизм меня зовет
В гроб дубовый, страшный.

Оставляя в стороне оценку литературных достоинств и даже грамотность процитированных строф, отметим их главенствующие мотивы – поиск смысла жизни,

стремление к идейной независимости и общению в кругу себе подобных. За этой тенденцией усматривается, прежде всего, отвержение школьных порядков с их унифицирующим коллективизмом и неумолимой дисциплиной. Это подтверждало признание самого создателя «союзного бюро» и журнала А. Панова в письме к брату: «Я чувствую какую-то отчужденность от учеников и общественной жизни школы. Я хочу не такой покорной бараньей жизни, как у нас. Мне не нравятся некоторые порядки школы. Например, для чего вставать при входе учителя, почему ученическое управление только называется так, а на самом деле все мы находимся под пятой директора. И много разных "для чего" и "почему", и чтобы разъяснить эти "для чего" я выступаю на собраниях, говорю с учениками». И хотя из-за этих публичных филиппик он прослыл среди соучеников «анархистом» и «троцкистом», а директор ему пригрозил «неудом» по дисциплине за неподчинение, он не собирался менять стиль поведения, который по второй условной шкале можно отнести к срединному уровню делинквентности. Брату Панов признавался: «Вот этими волнениям, этой "бунтарской" жизнью я и весел». А его окончательной компроматации в глазах товарищей и учителей послужило общение с отпетым хулиганом Зайцевым и дебош, устроенный на перемене «все от той же скуки, однообразия и монотонности». Очевидно, что неважная репутация Панова сказалась на неодобрительном отношении к сближению с ним и с его журналом родителей некоторых соучеников. Во всяком случае, когда об этом стало известно отцу одной из юных поэтесс, тот не замедлил донести о журнале и его организаторах в партком вагоноремонтного завода Рославля [6, д. 1188, лл.119-145].

Случай Панова характерен как пример сопряженности изначальной идеологической враждебности режиму с поведенческой делинквентностью. Тяга к своей микросреде духовного общения, основанной на отрицании советского оптимизма, общественной активности, дисциплинированности и других прививаемых школой личностных качеств, в какой-то момент прорвалась в открытое конфронтационное поведение с элементами демонстративной криминальности.

Сочетание поведенческой делинквентности с проявлениями политической оппозиционности режиму составляло почти универсальную черту детско-юношеской подпольной самоорганизации. Правда следует отметить несколько эпизодов, которые выпадали из данного ряда. Так наивысшую делинквентность и нулевую политическую оппозиционность являл собой обезвреженный милицией в 1936 г. «Союз юных бандитов» (сокращенно «СЮБ») из села Борисовка Курской области. Примечательно, что этот союз из шести девятиклассников родился в красном уголке местной школы. Обязательства членов, подписанные кровью, требовали: 1. Добиваться образования за десятилетку. 2. Каждому дать кличку из кинокартины «Путевка в жизнь». 3. Один за всех, и все за одного. 4. Попавшись в ловушку, умереть, но не выдавать членов «СЮБ». Своей ближайшей задачей они поставили накопление оружия, с помощью которого намеревались совершить ряд краж, после чего с большой суммой денег выехать на Кавказ или в Крым. Часть этого плана блестяще реализовалась: милиция изъяла у парней арсенал оружия, денежную сумму в размере 6703 руб., добытую в результате серийных ограблений, и наворованные вещи, которые складировались все в том же красном уголке. Все подельники отправились за решетку [6, д.1188, лл.115-116]. Данный случай интересен совмещением криминального уклона в поведении подростков с их высокой социализацией. Судя по разработанному регламенту, некоторые ценности общества победившего социализма, в частности, десятилетнее образование, товарищество были хорошо усвоены и даже претворены в руководство к практическому действию. Парадоксальным образом они поклонялись культовому советскому фильму, посвященному как раз преодолению уголовных

наклонностей и приобщению к честному труду беспризорников 1920-х. А местом встреч и хранения награбленного сделали красный уголок школы. В этой связи можно предполагать, что отъем чужого имущества и денег с применением оружия в сознании подростков контаминировал с тотальной экспроприацией собственности у истоков советского государства, подававшейся официальной пропагандой как акт высшей социальной справедливости. Скорее всего, осмысление под таким углом зрения собственных действий, соответствующее типичному стремлению уголовников к самооправданию, содействовало романтизации криминала и даже снимало барьер на пути использования в своих целях сакральной точки школьного пространства.

Несколько детских бандитских группировок действовали в ближнем Подмосковье: в Красногорском районе – шайка «Тушинский вор» с собственным обширным планом работы, в Воскресенском районе – «Воскресенские черти», имевшая свой устав, членский билет, по которому регулярно уплачивались взносы [7, д. 403, л. 60]. Отсутствие в источниках информации об антисоветских настроениях и вылазках их участников, скорее всего, говорит в пользу исключительно уголовной специализации, а любовно подобранные самоназвания – о той же идеализации уголовщины, которая была присуща и СЮБ.

Если среди криминальных группировок имелись примеры исключительно уголовной специализации (не осложненной элементами политического противостояния власти), как три вышеприведенных прецедента, то в объединениях политической направленности к оппозиционности всегда примешивалась делинквентность. Даже организация из учащихся 9-х – 10-х классов школы Таштыпского района Хакасии, арестованная НКВД в 1937 г. и квалифицированная как политическое подполье, вела войну с режимом в формах, которые тяготели к хулиганству. Помимо распространения по району контрреволюционных листовок, участники этой группы рисовали фашистскую свастику на стенах и оскверняли портреты вождей. По версии следствия, они действовали по заданию троцкистского центра [6, д. 1255, л. 55]. Однако и этот пример относительно низкой делинквентности – исключительный. Гораздо более распространенными являлись случаи, в которых враждебность существующему строю и официальной идеологии, варьирующаяся от среднего до самого высокого уровня, сочеталась с высокой делинквентностью, уголовной или морально-бытовой.

Комбинацию высокой делинквентности и средней политической оппозиционности показывает целый ряд организаций. В частности, подпольный кружок «Союз говельщиков», образовавшийся в конце 1936 г. в поселке Чернь Тульской области как ответвление местной взрослой хулиганской шайки, называвшей себя «Чернская хулиганская партия» («ЧХП»). В состав подросткового союза вошло 16 учеников местной школы, из них пятнадцать восьмиклассников и один шестиклассник. Двенадцать из них были пионерами, и, что было всего позорнее для школы, один из них являлся председателем Совета пионерской организации школы. «Союз говельщиков» совмещал в себе признаки бандитского сообщества гомосексуальной окрашенности с элементами политического подполья. От членов союза требовалась отличная физическая подготовка, победы на всех спортивных состязаниях и железная дисциплина: нарушителя предписанных норм, например, ученика, оставшегося на классное собрание, прогоняли сквозь строй. Название организации и некоторые ее ритуалы были подсказаны игрой, в которой разнузданные подростки хватили за половой член одного из своих сотоварищей, определяя это действие как «разговеться», или «поговеть». В «союзе» была выработана конституция, гласившая: «1. «Союз говельщиков» есть организация учеников 8-го класса. 2. Право на «говенье» имеют все члены организации. 3. Говенье происходит после уроков по вторникам и пятницам. 4. Во время говенья говельщиками издаются дикие крики. 5. Правительство «Союза

говельщиков» состоит из главы говельщиков, посадника, тысяцкого, боярина, палача, подмастерья, фельдшера, гнойщика, чесальщика. 6. Нарушения конституции карается высшей мерой наказания – баламбой, и даже проведением через строй. 7. Столица говельщиков есть уборная. 8. Герб «Союза говельщиков»: в середине жаровня, под ней в огне череп в двух пересекающихся костях. 9. Некоторым говельщикам даются поощрения: давать говеть за голый член».

В принципе атрибуты союза в виде «конституции», эмблемы, своей оберегаемой территории, распределения ролей были присущи популярной во все времена детской игре в выдуманную страну [2]. Кардинальное отличие от известных нам литературных примеров состояло в высокой степени делинквентности, выражающейся в половой распущенности «говельщиков», бандитском почерке автопрезентации – «дикие выкрики», прогон сквозь строй нарушителей – и в категорическом уклонении от участия в общественной жизни школы. Последнее правило рифмовалось с незыблемой для криминального мира позицией отказа от любого сотрудничества с властью.

Политизированный характер развратным играм придавали, во-первых, изобретенные политические символы, а во-вторых, структура ролей. Часть из них была скопирована с древних новгородских вольностей («посадник», «тысяцкий», «боярин»), что придавало затее видимость реконструкции средневековой республики. А самое главное – «Союз говельщиков», как утверждали в своих показаниях сами участники, был изначально противопоставлен формально существующей пионерской организации школы, а вскоре превратился в ее вполне реальную альтернативу. Этим объяснялась озабоченность ситуацией в Чернской школе центральной власти – во всяком случае, расследование по ней в 1937 г. проводила бригада проверяющих во главе с членом ВЦИК Носовым, а докладная записка была направлена председателю ВЦИК М.И. Калинину и зам. председателя СНК РСФСР Д. Лебедю [5, д. 2291, лл.49 -67].

Похожая, хотя и более «продвинутая» соответственно возрастному составу участников нелегальная организация существовала в 1936-1937 гг. при Хуторском сельсовете и избе-читальне Челябинской области под вывеской «кружок любителей естествознания». Объединившиеся в нем двенадцать развязных парней и девушек в возрасте от 17 лет до 21 года под водительством изгнанного из колхоза и неработающего парня Чернотелова изучали детородные органы и состояли друг с другом в половой связи. Более того, участники кружка пытались приобщить к своим занятиям односельчан, выводя мочой на снегу полюбившиеся им названия гениталий. А в торжественный день памяти Ленина непристойными действиями сорвали читку его биографии на официальном собрании [6. д. 1234, л.103].

О целом ассортименте разнообразных девиаций самой высокой интенсивности в школах Сыктывкара сообщала в горком комсомола мать одной из учениц А.Н. Челнокова. Несколько детских банд из разных школ регулярно совершали кражи и втягивали в воровство соучеников, резали в раздевалках пальто и натягивали девочкам платья на головы, насаждали в школах пьянство и разврат. Особенно выделялась 1-я Читская школа, в которой, помимо описанных безобразий, такая группировка распространяла контрреволюционные анекдоты и песни, на стенах систематически рисовала фашистские знаки, сочиняла и отправляла по рукам альбомы сомнительного идеологического содержания. При вступлении в шайку ученик давал клятву «не быть легавым», а в знак верности банде делал надрезы бритвой на руке. Возбужденная по этому сигналу проверка полностью подтвердила изложенные факты [6, д. 1265, лл. 53-60].

В Темниковской средней школы Мордовской АССР, как установила проверяющая комиссия, среди школьников были вообще распространены антисоветские настроения. На уроке истории на вопрос учителя, почему будущая война против Советского Союза будет самой опасной для буржуазии, один из учащихся ответил: «Буржуазия пойдет на Советский Союз, кулачество восстанет, привлечет на свою сторону колхозников, и все вместе выступят против советской власти». А на встречный вопрос учителя: «Чем вы это обосновываете?» пояснил: «Положение в деревне плохое, вы вот снимите галифе, поезжайте в деревню, послушайте, что говорят крестьяне. Только похуже оденьтесь, и вы все узнаете». С этим мнением были согласны и другие ученики. В конце 1936 г. в этой школе была выявлена банда из десяти учеников шестых и десятых классов, которыми руководили взрослые уголовники. Только за два неполных месяца осени 1936 г. она совершила 7 ограблений. А на протяжении двух лет своего существования данная группа учеников непрерывно терроризировала школу: срывала уроки и массовые мероприятия, часто являлась в пьяном виде на занятия. Такая целенаправленная дезорганизация и учебного процесса и советских торжеств в местном контексте приобретала значение открытого вызова системе [6. д. 1265, лл. 37-39].

В 15-й школе Иркутска в 1937 г. выходил подпольный журнал, пропагандировавший уголовщину и даже наставлявший своих читателей: «Если ты во время воздушной тревоги находишься в Госбанке, то набивай в карман червонцы и езжай скорее за границу». Часть учащихся этой школы создала контрреволюционную группу под названием «Коми» («контрреволюционная организация молодых интеллигентов»), ставившую целью подготовку молодых террористов [6, д. 126, л. 224].

Настоящий спрут детского бандитского подполья сложился в Узбекистане. Хулиганствующие подростки Ташкента, начав с приобщения к наркотикам, пьянству, картежным играм, воровству и разврату на базе городских притонов, быстро превратились в преступные сообщества, державшие в страхе несколько районов. Материалы двух уголовных процессов, прошедших по всей совокупности выявленных фактов бандитизма в апреле 1935 г. и в декабре 1935 г. – январе 1936 г., вскрыли отлично налаженную организацию и даже кооперацию внутри этого уголовного детского мира. Он охватывал контингент численностью более двухсот человек, разделенных на бригады, каждой из которых по взаимному соглашению присваивались свои опознавательные знаки. Таковыми для чикманской, полторацкой и кошгарской служили «золотые зубы», для алайской – капитанки и лакированные сапоги со спрятанными в голенищах финками, для полторацких девушек – парчовые тюбетейки, носившиеся надвинутыми на лоб, и прическа «чарльстоун». Наряду с разбойными налетами на квартиры, магазины, раздеванием прохожих на улицах, вымогательством денег у школьников и учителей, избиением и запугиванием тех, кто пытался сопротивляться, в сферу их деятельности входила организация подрывных действий против советской власти. Так, они уничтожали вырванные из газет портреты советских вождей, накануне революционных праздников срывали развешанные красные флаги, атаковали и избивали школьников – участников первомайских и октябрьских демонстраций. Кроме того, группа 12-13-летних отморожков зарезала финским ножом 15-летнего сына рабочего-стахановца, возвращавшегося из школы. Расправа над подростком сопровождалась выкриками: «Одним стахановцем будет меньше!». По приговору суда участники самых тяжких преступлений в возрасте от 14 до 24 лет были приговорены к заключению, а подростки меньшего возраста частью были направлены в исправительно-трудовые колонии НКВД, а частью – на производство. Похожие явления наблюдались и других городах республики – в Коканде и в Бухаре [6, д. 1188, лл. 40-45].

Не менее впечатляющий пример подросткового уголовного экстремизма представляла собой банда 40 школьников 13-15 лет из неблагополучных семей, раскрытая в 1936 г. уголовным розыском в Лодейном Поле. За два-три года своей деятельности она совершила 18 крупных краж со взломами из советских и кооперативных учреждений и до 100 мелких. При этом штрафы, которая милиция налагала за безнадзорность детей на их горе-родителей, оплачивали сами малолетние преступники из своей выручки. Многие из них устанавливали и поддерживали тесную связь с заключенными из соседнего Свирлага, уголовными и политическими. А некоторые даже крали документы у вольных и сбывали их «своим» заключенным. Под суд была отдана группа из 13 наиболее оголтелых бандитов [6, д. 1188, лл. 19-21].

На Северном Кавказе имели место подпольные группировки, сочетавшие делинквентные наклонности с протестными настроениями и дезавуированием фундаментальных принципов советской национальной политики и межнациональных отношений, в частности, равенства наций и интернационализма. По сообщениям органов народного образования Осетии, в школе хутора Ардонский (с. Мичурино) при попустительстве и участии некоторых местных учителей была создана националистическая группировка школьников-осетин, которая третировала и выдавливала из школы русских соучеников. А в г. Оржоникидзе (Владикавказ) группа подростков, называвших себя абреками, или абрек-заурами (по имени героя советской киноленты 1926 г., боровшегося в XIX в. с российской властью на Кавказе) объединилась в т.н. «шайку Шамиля». Она преследовала неугодных учителей и соучеников и насаждала в школе свои порядки [5, д. 2357, лл.65, 68].

В 1936 г. на станции Оловянная Читинской области органами НКВД была раскрыта контрреволюционная молодежная организация – «Союз читинской молодежи». Ее организаторы – некто Пельменев, позже объявленный японским шпионом, и работник связи Толмачев, объединили вокруг себя несколько взрослых единомышленников и двух старшеклассников из местной средней школы Дорофеева и Саватеева. Своей главной целью они поставили содействие освобождению заключенных, особенно молодых, с тем, чтобы с их участием вести дальнейшую борьбу с советской властью. Школьники отвечали за хранение динамита, бикфордова шнура, револьвера и 20 патронов, с помощью которых главари организации собирались взорвать и ограбить местное отделение Госбанка для того, чтобы увеличить свой боевой арсенал. Решением суда главные организаторы были приговорены к расстрелу, а остальные участники оставлены на свободе. Саватеев и Дорофеев успешно продолжили учебу, более того, проявили себя как активные комсомольцы. Саватеев, первым окончивший в школу, поступил в училище военных техников. Не исключено, что судьба этих юношей, несмотря на прошлые связи с расстрелянными «врагами народа», могла бы сложиться благополучно, если бы в 1937 г. не был репрессирован зять Саватеева, работавший с 1922 г. в органах НКВД. После этого при тщательной проверке у обоих парней в личном деле обнаружили компрометирующие факты: их отцы во время гражданской войны были пособниками «белобандита» Семенова. В свете открывшихся обстоятельств в общественной активности Дорофеева был усмотрен вражеский мотив: он якобы использовал свою должность председателя школьного совета для разложения общественной работы соучеников и стравливания их с учителями. Вроде бы на заседании Оловянинского райкома комсомола Дорофеев и Саватеев признали свои контрреволюционные позиции, а Дорофеев даже огласил настоящую причину своей деятельности в комсомоле: «Я готовился поступать в авиационный институт, я понимал, для чего он мне нужен. Я показывал свою активность для того, чтобы получить себе поручителей от авторитетных людей, но, как видите, не удалось. Ну, еще поборюсь кое с

кем». По донесению, оба парня были исключены из комсомола как враги народа [6, д. 1257. лл. 183-184]. С большой исторической дистанции практически невозможно различить, какая реальная мотивация скрывалась за хорошей учебой и комсомольским рвением этих двоих. То ли и в самом деле они нацеливались на сведение счетов с ненавистной властью через использование служебных полномочий в будущей деятельности, то ли «идейно разоружившись», просто были устремлены к карьере высококлассных специалистов. Кем бы они ни были в действительности, криминальный эпизод хранения оружия и соучастия в подготовке разбойного нападения на банк перечеркивал образ незапятнанных идейных борцов с режимом.

Описанные группировки указывают, с одной стороны, на незатихавшую даже в период разгула репрессий, неподконтрольную властям и школе активность учащихся. С другой стороны, на широкий спектр негативных явлений в среде школьников второй половины 1930-х, за которыми, действительно, стояли пассивность или заорганизованность пионерской и комсомольской работы, самоустранение школы от своей воспитательной миссии. Даже единственный положительный пример общественной самодеятельности – девичий «Союз отважных» – появился на свет как продукт неудовлетворенности школой и комсомолом вполне лояльных и законопослушных учащихся. Указанные изъяны, наряду с отсутствием родительского контроля, предопределили такие вопиющие случаи детского криминалитета, какие имели место в Узбекистане, Сыктывкаре, Лодейном Поле и Темниковской школе Мордовии.

И все же следует заметить, что вовлеченные в них подростки составляли ничтожный процент в многомиллионной армии советских школьников. При этом за исключением трех прецедентов исключительно уголовной специализации, делинквентное поведение и политическая протестность у подпольных группировок составляли две стороны одной медали. В этой связи можно выдвинуть предположение: такое устойчивое сочетание придавало отрицательный имидж даже организациям с преимущественной политической направленностью в глазах нормальных старшеклассников и не в меньшей степени, чем механизмы тоталитарного контроля и идеологической обработки, отвращало от принятия их парадигмы борьбы с режимом.

Литература

1. *Афанасьев Г.* «Контра» с портфелями [Электронный ресурс] http://genadiafanassjev.blogspot.ru/2011/06/blog-post_694.html (Дата обращения: 25.05.2015).
2. *Лойтер С.М.* Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора// Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов/ Сост. А.Ф. Белоусов. – М., 1998. – 744 с.
3. Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.) Справочник/ Сост. И.А. Мазус при участии Н. Мазус и Н.Н. Михалевой. – М.: «Гос. Музей ГУЛАГа», 2014. – 368 с.
4. *Яковенко Е.В., Нелидов А.Л., Щелин Т.Т.* Девиантное и делинквентное поведение детей и подростков. – Красноярск, 2012. – 232 с.
5. ГАРФ (Государственный архив РФ). М., 2006. (Министерство народного Просвещения РСФР), оп.69.

-
6. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ), оп.23.
 7. ЦГАМ (Центральный государственный архив Москвы). Ф. П-634 (Московский Городской комитет ВЛКСМ), оп.1.

The illegal organizations of the school pupils in the Soviet Union of Great Terror Period

Volkova I.V., Professor of School of History, Faculty of Humanities Higher School of Economics National Research University, Doctor of Science (History) (wolkowa-irina @yandex.ru)

The article is devoted to the investigation of juvenile delinquent and illegal political groups in years 1936-1938. Despite of high tension in the society, teenagers and youth of that period did not leave the attempts to create illegal and alternative of pioneers and komsomol self-made organizations. On the basis of archive sources the author restores the full list of such groups, analyzes their membership, plans, methods and the results of activity. The article reconstructs the motives of different types of behavior, reveals the connections between delinquency and political protest in juvenile activities. As the result of the realized investigation the author makes the conclusion about the reasons of low weight of the mostly oppositional groups among teenagers and youth of that period.

Keywords: organized illegal juvenile groups, delinquent behavior, political protest, the connections between delinquency and political protest.

References

1. Afanasev G. «Kontra» s portfeljami. // http://genadiafanassjev.blogspot.ru/2011/06/blog-post_694.html
2. Lojter S.M. Detskie utopii, ili igra v stranu-mechtu kak javlenie detskogo fol'klora// Russkij shkol'nyj fol'klor. Ot «vyzyvanij» Pikovoj damy do semejnyh rasskazov. Sost. A.F. Belousov. - M., 1998. - 744 s.
3. Podpolnye molodezhnye organizacii, gruppy i kruzhki (1926-1953gg.) Spravochnik. Sost. I.A. Mazus pri uchastii N. Mazus i N.N. Mihalevoj. - M., «Gos. Muzej GULAGa, 2014.- 368 s.
4. Jakovenko E.V. Nelidov A.L. Shhelin T.T. Deviantnoe i delinkventnoe povedenie detej i podrostkov. - Krasnojarsk, 2012 - 232 s.
5. GARF. (Gosudarstvennyj arhiv RF) M. 2306. (Ministerstvo narodnogo Prosveshhenija RSFR), op.69.
6. RGASPI.(Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii).F. M-1 (CK VLKSM), op.23.
7. CGAM (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskvy). F. P-634 (Moskovskij Gorodskoj komitet VLKSM), op.1.

Половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей

Дворянчиков Н.В., кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (dvorian@gmail.com)

Макарова Т.Е., лаборант-исследователь лаборатории судебной сексологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского (makarovatoma@mail.ru)

Статья посвящена изучению половозрастной идентичности у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей. Рассмотрены факторы, лежащие в основе патогенеза аномального сексуального поведения в отношении несовершеннолетних. Выявлены особенности гендерной и половозрастной идентичности у лиц, совершивших насильственные сексуальные действия с детьми. Отмечено, что у лиц с диагнозом педофилии выявляются нарушения преимущественно когнитивной структуры полового самосознания, проявляющиеся в недифференцированности возрастных особенностей восприятия, как собственного образа «Я», так и полоролевых стереотипов. Полученные сведения позволяют более дифференцированно оценить нарушения сексуальной сферы, объяснить реализацию девиантного поведения, а также структуру половозрастного самосознания у лиц с расстройством сексуального влечения в форме педофилии и приблизиться к пониманию механизмов, по которым осуществляется аномальный выбор объекта сексуального влечения.

Ключевые слова: гендерная идентичность, половозрастная идентичность, педофилия, аномальное сексуальное поведение, объект сексуального влечения, особенности половозрастного самосознания.

Сексуальное насилие в отношении детей и подростков встречается во всех странах и слоях общества и имеет важное социальное, юридическое, а также медико-психологическое значение.

По данным отечественных авторов, сексуальные действия в отношении несовершеннолетних являются наиболее распространенной формой преступного сексуального поведения. Так, еще А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенский, Н.В. Дворянчиков (2001) отмечали, что «группа растлителей малолетних» наиболее многочисленна, по сравнению с другими группами правонарушителей в сфере сексуальных отношений.

Сведения о распространенности сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних по данным зарубежных авторов неоднозначны. По данным британских исследователей A.W. Baker, S.P. Duncan (1985), среди обследованных ими лиц, 12% женщин и 8% мужчин имели опыт сексуального притязания со стороны взрослых в детском возрасте. Другие исследователи, например, G. Wyatt et al. (1986), выявили более высокие показатели сексуальных притязаний в детском возрасте, к которым, наряду с непосредственно сексуальным контактом, относили эпизоды эксгибиционизма и прикосновений к обнаженному телу ребенка. По их данным, 59% женщин и 27% мужчин были жертвами сексуальных притязаний в детском возрасте. Все эти данные указывают на то, что последствия сексуальных действий в детском возрасте достаточно серьезны и разнообразны. Нередко у подростков, подвергшихся в детстве сексуальному насилию, возникают различные поведенческие нарушения: от страха к близким интимным отношениям до криминального сексуального поведения. Однако если последствия сексуального насилия в детстве изучены достаточно подробно, то другие данные механизмов сексуального противоправного поведения остаются практически без внимания.

Актуальность исследования. Существуют различные теории возникновения и формирования подобного поведения: психоаналитическая, дизонтогенетическая концепции, механизм импринтинга, искажения в микросоциальной среде. Однако педофилию чаще всего рассматривают как расстройство сексуального влечения при различных психических заболеваниях, в то время как механизмы сексуального аномального поведения вне рамок педофилии остаются малоизученными.

Теоретическое значение определяется тем, что в настоящее время данные о половозрастной идентичности у лиц с диагнозом педофилии и лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних при отсутствии расстройства сексуального влечения остаются малоизученными. Полученные сведения позволят дополнить представления о механизмах формирования аномального сексуального поведения.

Практическое значение состоит в том, что на сегодняшний день исследования, посвященные теме изучения лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей немногочисленны.

Таким образом, целью нашего исследования послужило изучение половозрастной идентичности у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей.

Задачи исследования.

1. Описание факторов и их роли в патогенезе аномального сексуального поведения в отношении несовершеннолетних.
2. Выявление особенностей гендерной идентичности у лиц, совершивших насильственные сексуальные действия с детьми.
3. Выявление особенностей половозрастной идентичности у лиц, совершивших насильственные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних.
4. Сравнительный анализ лиц с клинически верифицированным диагнозом педофилии и лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних при отсутствии расстройства сексуального влечения.

Предметом исследования являются особенности возрастного самосознания, а также восприятие объекта сексуального влечения у лиц, совершивших сексуальные действия с детьми.

Объект исследования – половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении несовершеннолетних.

Характеристика выборки: выборку составили лица, совершившие сексуальные насильственные действия в отношении детей, проходившие судебно-психиатрическую экспертизу в ГНЦСС имени В.П. Сербского, которые были разделены на две группы. Первую группу составили 10 человек с расстройством сексуального влечения в виде педофилии. Во вторую группу вошло 10 человек, совершивших педофильные действия при отсутствии расстройства сексуального влечения. Контрольную группу составили 20 человек, не привлекающиеся к уголовной ответственности.

Гипотезы.

1. Для лиц, совершивших сексуальные действия с детьми характерна недифференцированность полоролевых образов, как по половому, так и по возрастному признакам.
2. У лиц с диагнозом педофилии характерно идентифицировать себя с образом более ранних возрастных ролей, а также негативно воспринимать настоящую возрастную роль.

Психологическое исследование в судебной сексологии – это психологические методы, большинство из которых в течение нескольких лет используются при решении различных экспертных задач, поставленных перед психологами в рамках судебно-сексологических задач. Для исследования половозрастной идентичности у педофилов, помимо основных методик, традиционно применяемых психологами в сексологии («МиФ», «ЦТО», «Кодирование», «Рисунок мужчины, женщины и ребенка»), были использованы такие, как «Исследование самооценки Дембо–Рубинштейн» (модифицированный вариант) и «ПВИ–«ПВ» Н.Л. Белопольской.

Для анализа первичной информации, полученной в результате описанных выше методик, рассматривалось среднее арифметическое полученных параметров и их корреляционные взаимосвязи. Все расчеты производились в таких программах, как Excel и SPSS Statistics 17.0. Полученные данные были проанализированы качественно и количественно. В процессе проведения проверки достоверности различий между полученными с помощью вышеперечисленных методик показателями в группах использовался t-критерий Стьюдента для двух независимых выборок. Результат сравнения оценивался по уровню значимости $p \leq 0,05$.

Половозрастная идентичность рассматривается нами как процесс и результат отождествления индивидом себя с определенной возрастной группой, с принятием норм поведения данной группы, в большей или меньшей степени регулирующих собственное поведение. Она выступает в качестве регулятора поведения человека в ситуации межвозрастного общения, позволяя различать людей «своего» и «другого» возраста и выбирать адекватные этому способы взаимодействия с ними.

Существует несколько точек зрения возникновения аномального сексуального поведения. Одной из них является теория импринтинга, в основе которой лежит предположение о существующей унаследованной реакции. Согласно этой теории, формирование сексуального девиантного поведения происходит по типу реакции

отрицательной имитации. Так, некоторые подростки с органическими поражениями головного мозга, а также психическим инфантилизмом, став в детстве жертвой изнасилования, впоследствии могут демонстрировать подобное поведение [3]. Как показывают последние исследования, в некоторых случаях возраст предпочитаемого сексуального объекта совпадает с возрастом, в котором испытуемый подвергся сексуальному насилию или возрастом партнера по сексуальным играм, в случае ранней сексуализации поведения [13].

А. Кронфильд и Э. Кречмер считают, что в основе аномального сексуального поведения в отношении к несовершеннолетним лежит психосексуальный инфантилизм. По их мнению, при таком расстройстве сексуального влечения в зрелом возрасте поведение носит не просто подростковые формы эротической активности, а свидетельствует об аномальности этой активности [6]. Как утверждают многие авторы, дисгармоничное развитие является основой возникновения различных вариантов девиантного поведения, в том числе и сексуального.

Ряд отечественных и зарубежных авторов отмечали роль социальных детерминант в формировании педофилии. О дисфункции в родительских семьях лиц, склонных к сексуальным действиям в отношении несовершеннолетних, свидетельствует целый ряд исследований, большая часть которых, указывает на эмоциональную депривацию как основной фактор формирования девиантного поведения.

Среди патобиологических факторов развития отмечались: наследственная отягощенность алкоголизмом, неблагоприятное протекание первого триместра беременности, преждевременные роды.

Другие исследования показали, что людям с расстройством сексуального влечения в форме педофилии были свойственны черты инфантилизма, характерны выраженная феминность, нарушения фазности полового развития и искажения половозрастного самосознания, нарушения в сфере межличностной коммуникации, склонность к идентификации с сексуальным партнером (ребенком). Н.А. Радченко и Н.В. Дворянчиков (2003) на основании полученных ими данных предположили, что у их испытуемых наблюдается преобладание нарушений когнитивной составляющей полового самосознания.

В целом, можно говорить о том, что в основе аномального поведения этого контингента лиц лежит полоролевой конфликт, который в большинстве случаев разрешается ими внутрилично, за счет «принятия своей идентичности» на когнитивном уровне и идентификации с объектом сексуального влечения, поэтому выбор партнера и способ взаимодействия с ним обусловлен стремлением к стабилизации устойчивости образа «Я» за счет взаимодействия с сексуальным объектом менее зрелым по сравнению с нормативным, более безопасным в психологическом плане и более прогнозируемым [11].

В основе формирования аномального сексуального поведения подэкспертных без парафилий лежат факторы, во многом схожие с таковыми у лиц с парафилиями. Так, этап формирования базовой половой идентичности характеризовался трудностями интериоризации мужской половой роли на эмоциональном уровне, причем, в большей степени обусловленными микросоциальными, нежели органическими факторами; эмоциональная депривация и фрустрация, нарушения коммуникации со сверстниками и выбора объекта референции, расстройства эмпатии характеризовали этап формирования полоролевых стереотипов. Однако разрешение полоролевого конфликта осуществляется у этих испытуемых на эмоциональном уровне, за счет выработки гиперкомпенсаторных механизмов, реализуя их в межпартнерских отношениях. Их аномальное поведение

выполняет функцию «повышения самооценки» путем построения взаимодействия с партнером в рамках жесткого стереотипа.

В результате нашего исследования было выявлено, что для подэкспертных, как с диагнозом педофилии, так и без расстройства сексуального влечения, характерно следующее.

1. Наличие полоролевого конфликта, связанного с неустойчивостью образа «Я».
2. Искажение интериоризации мужской половой роли, отсутствие стремления ориентироваться на оценку мужской группы в регуляции своего поведения.
3. Низкая, по сравнению контрольной группой, оценка развития своих качеств, способностей по отношению к мужчинам, женщинам, старшим и младшим подросткам, как девочкам, так и мальчикам.
4. Недифференцированность полоролевых образов, как по половому, так и возрастному признаку.

Исследование показало, что для лиц с диагнозом педофилии также характерно:

- 1) неадекватное определение своего половозрастного статуса;
- 2) неправильное построение половозрастной последовательности образов;
- 3) регрессивная тенденция при выборе привлекательных возрастных образов («юность», «школьник»);
- 4) негативное эмоциональное отношение к своим актуальным образам.

Все это свидетельствует об искажении половозрастной идентификации и подтверждает наличие половозрастного конфликта в сознании. Таким образом, у лиц с диагнозом педофилии выявляются нарушения преимущественно когнитивной структуры полового самосознания, проявляющиеся в недифференцированности возрастных особенностей восприятия, как собственного образа «Я», так и полоролевых стереотипов. При этом выбор партнера как объекта менее зрелого, безопасного в психологическом плане и определенный способ взаимодействия с ним определяются их собственной инфантильностью, а также стремлением к стабилизации устойчивости образа «Я».

Полученные данные подтверждают выдвинутые нами гипотезы и позволяют более дифференцированно оценить нарушения сексуальной сферы, объяснить реализацию девиантного поведения, а также структуру половозрастного самосознания у лиц с расстройством сексуального влечения в форме педофилии и приблизиться к пониманию механизмов, по которым осуществляется аномальный выбор объекта сексуального влечения.

Целью дальнейших исследований является адаптация модифицированных нами методик и, возможно, дальнейшее их применение в судебно-психологической практике. Комплексное обследование лиц, совершивших насильственные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних с расстройством сексуального влечения и вне рамок педофилии в условиях судебно-психиатрической экспертизы, оптимальный выбор мер медицинского характера с учетом динамики расстройства сексуального влечения может способствовать профилактике рецидивов ООД.

Литература

1. Белопольская Н.Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования

-
- самосознания подростков и взрослых (ПВИ-ПВ) // Психологический инструментарий. М.: Когито-Центр, 2011. 51с.
2. *Введенский Г.Е.* Нарушения половой идентичности и психосексуальных ориентации у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия: автореф. дис. ... докт. мед. наук. М., 2000. 416с.
 3. *Дворянчиков Н.В.* Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 178 с.
 4. *Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.* Половое самосознание и методы его диагностики. М.: Флинта: Наука, 2011. 216с.
 5. *Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Ильенко А.А.* Особенности эмоционального восприятия у лиц с девиантным сексуальным поведением // Сексология и сексопатология. 2003. № 4. С. 17–23.
 6. *Догадина М.А.* Особенности психосексуального развития малолетних и несовершеннолетних потерпевших жертв сексуального насилия: дис. ... канд. мед. наук. М., 1998. 211с.
 7. *Ильин Е.П.* Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. 542с.
 8. *Новгородцева А.П.* Переживание подростками «чувства взрослости» // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 39–54.
 9. *Радченко Н.А.* Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних // Российский психиатрический журнал. 2002. № 4. С. 52–56.
 10. *Ткаченко А.А.* Аномальное сексуальное поведение: Монография // под ред.: Введенского Г.Е., Ткаченко А.А. СПб.: Юридический центр пресс, 2003. – 657с.
 11. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. 561 с.
 12. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Ковальчук Ю.В.* Механизмы инцестного поведения // Российский психиатрический журнал. М., 2000. № 1. С. 1–11.
 13. *Рогачев М.Н.* Возрастная идентичность как регуляторный механизм инцестного поведения. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/gx.htm> (дата обращения: 14.11.2015)
 14. *Рогачев М.Н.* Особенности психологического возраста и возрастной идентичности у лиц с аномальным сексуальным поведением. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/fl.htm> (дата обращения: 14.11.2015)

Age and gender identity in a perpetrators of sexual violence against children

Dvoryanchikov N.V., PhD (Psychology), Head of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)

Makarova T.E., Lecturer, Department of Juridical Psychology, Faculty of Juridical Psychology, Head of Laboratory of Juvenile technologies, Moscow State University of Psychology and Education (delibalt@yandex.ru)

Degtyarev A.V., research assistant, laboratory of forensic sexology, Serbsky State Research Center for Social and Forensic Psychiatry (makarovatoma@mail.ru)

The paper devoted to the age and gender identity among the perpetrators of sexual violence against children and discussed the factors lead to pathogenesis of abnormal sexual behavior against children. We have identified particularities of gender and age identity in perpetrators of violent sexual acts against children. It was noted that patients with a diagnosis of pedophilia have abnormalities mostly in cognitive structure of sexual identity, that is shown in undifferentiated age peculiarities of perception of self-image and gender and role stereotypes. These data allow assessing more accurately the abnormalities of sexual sphere, explaining the deviant behavior, as well as structure of age and sex self-identity in persons with the disorder of sexual desire in the form of pedophilia and take a step closer to understanding the mechanisms of abnormal choice of sexual object.

Keywords: gender identity, age and gender identity, pedophilia, abnormal sexual behavior, the object of sexual desire, age and sex self-identity peculiarities.

References

1. *Belopol'skaja N.L.* Polovozrastnaja identifikacija. Metodika issledovanija samosoznanija podrostkov i vzroslyh (PVI-PV) // Psihologicheskij instrumentarij. M.: Kogito-Centr, 2011. 51s.
2. *Vvedenskij G.E.* Narushenija polovoj identichnosti i psihoseksual'nyh orientacii u lic, sovershivshih protivopravnye seksual'nye dejstvija: avtoref. dis. ... dokt. med. nauk. M., 2000. 416s.
3. *Dvorjanchikov N.V.* Polorolevaja identichnost' u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem: dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1998. 178 s.
4. *Dvorjanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K.* Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki. M.: Flinta: Nauka, 2011. 216s.

-
5. *Dvorjanchikov N.V., Enikolopov S.N., Il'enko A.A.* Osobennosti jemocional'nogo vosprijatija u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem // Seksologija i seksopatologija. 2003. № 4. S. 17–23.
 6. *Dogadina M.A.* Osobennosti psihoseksual'nogo razvitija maloletnih i nesovershennoletnih poterpevshih zhertv seksual'nogo nasilija: dis. ... kand. med. nauk. M., 1998. 211s.
 7. *Il'in E.P.* Psihologija vzroslosti. SPb.: Piter, 2012. 542s.
 8. *Novgorodceva A.P.* Perezhivanie podrostkami «chuvstva vzroslosti» // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2006. № 2. S. 39–54.
 9. *Radchenko N.A.* Kliniko-social'naja harakteristika i sudebno-psihiatricheskaja ocenka lic, sovershivshih protivopravnye seksual'nye dejstvija v otnoshenii nesovershennoletnih // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. 2002. № 4. S. 52–56.
 10. *Tkachenko A.A.* Anomal'noe seksual'noe povedenie: Monografija // pod red.: Vvedenskogo G.E., Tkachenko A.A. SPb.: Juridicheskij centr press, 2003. – 657s.
 11. *Tkachenko A.A., Vvedenskij G.E., Dvorjanchikov N.V.* Sudebnaja seksologija. M.: Medicina, 2001. 561 s.
 12. *Tkachenko A.A., Dvorjanchikov N.V., Koval'chuk Ju.V.* Mehanizmy incestnogo povedenija // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. M., 2000. № 1. S. 1–11.
 13. *Rogachev M.N.* Vozrastnaja identichnost' kak reguljatornyj mehanizm incestnogo povedenija. 1999 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/gx.htm> (data obrashhenija: 14.11.2015)
 14. *Rogachev M.N.* Osobennosti psihologicheskogo vozrasta i vozrastnoj identichnosti u lic s anomal'nym seksual'nym povedeniem. 1998 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/fl.htm> (data obrashhenija: 14.11.2015)

Клинико-психологические особенности аддиктов с незавершенными суицидальными попытками

Журавлева Т.В., бакалавр психологии, студентка магистратуры кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский городской психолого-педагогический университет» (tita1993@mail.ru)

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, профессор, заведующий отделом клинической психологии Федерального Государственного бюджетного учреждения «Научный центр психического здоровья» Российской академии медицинских наук (enikolopov@mail.ru)

Зубарева О.В., кандидат медицинских наук, заведующая отделением кризисных состояний и психосоматических расстройств Научно-исследовательского института скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (olgazubareva@yandex.ru)

Черная М.И., младший научный сотрудник отделения кризисных состояний и психосоматических расстройств Научно-исследовательского института скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (chernaya_masha@mail.ru)

Исследованы социальные, психологические и клинические аспекты суицидального поведения алкозависимых и наркозависимых лиц с незавершенными попытками самоубийства, госпитализированных в отделение кризисных состояний и психосоматических расстройств НИИ скорой помощи имени Н. В. Склифосовского в период с ноября 2014 года по июнь 2015 года. У подавляющего большинства аддиктов (70 %) выявлен аффективный характер суицидальных действий. В остром постсуицидальном периоде у всех обследованных наблюдается формирование ценностного отношения к жизни, конфликт теряет актуальность на фоне выраженного страха смерти и боязни социальных и трансцендентных последствий совершенного акта самоубийства. Лица с алкогольной зависимостью испытывают вину перед близкими и окружающими людьми, нуждаются в их поддержке. У них значительно возрастает страх потери социальной идентичности. У лиц с наркотической зависимостью сохраняется негативное восприятие событий ближайшего и отдаленного будущего, они рассматривают акт самоубийства как действенный и кардинальный способ решения жизненных проблем. На основании полученных данных сделан вывод о том, что риск повторных суицидальных попыток у лиц с алкогольной зависимостью может быть обусловлен слабостью навыков самоконтроля и

отсутствием поддержки микросоциального окружения, а у лиц с наркотической зависимостью - негативным восприятием собственного будущего и степенью социальной дезадаптации.

Ключевые слова: суицидальное поведение, незавершенные суицидальные попытки, алкогольная зависимость, наркотическая зависимость.

Для цитаты:

Волкова И.В. Принципы организации практики в условиях сетевого взаимодействия (на примере разработки модуля «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии») [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 4. С. .
doi: 10.17759/psylaw.2015050401

For citation:

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Chernushevich V.A. The problem of a psychological definition of "Legally relevant situations" [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp.
doi: 10.17759/psylaw.2015050401

Увеличение количества суицидальных попыток среди населения большинства стран мира многие исследователи рассматривают как одну из острейших социальных проблем современного общества. Наиболее значимыми причинами роста числа попыток самоубийства считаются утрата морально-нравственных ограничений на лишение себя жизни, практически полное равнодушие к данной проблеме со стороны общественных институтов власти, урбанизация, технократизация, расслоение общества с увеличением доли в нем лиц с девиантным поведением [4]. Усугубление социального неравенства, кризисное состояние экономики, увеличение числа природных катаклизмов и техногенных катастроф, а также неуклонный рост заболеваемости алкоголизмом и наркоманией способствуют резкому увеличению суицидальной активности населения в подавляющем большинстве стран мира [8].

По данным американских психологов, до 40 % пациентов наркологических клиник, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, имеют в анамнезе попытки самоубийства [26]. В Российской Федерации смертность трудоспособного населения, обусловленная алкоголизацией, достигает 400 тысяч человек ежегодно, причем число погибших от суицидальных действий и несчастных случаев колеблется в пределах 50-60 тысяч [3]. Установлено, что уровень суицидальной активности у лиц с алкогольной зависимостью в 50 раз, а у лиц с наркотической зависимостью в 14 раз выше, чем в среднем по популяции [6].

Высокий уровень самоубийств у лиц, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью, обуславливает необходимость всестороннего изучения особенностей их суицидального поведения с целью разработки превентивных психологических стратегий и методологических основ коррекционной работы с данной категорией пациентов.

Целью данной работы является изучение социальных, психологических и клинических особенностей суицидального поведения лиц с алкогольной и наркотической зависимостью.

Объект и методы исследования

В исследовании участвовали 54 человека, госпитализированных в отделение кризисных состояний и психосоматических расстройств НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского после незавершенных попыток самоубийства. Из них 34 человека страдали алкогольной, а 20 - наркотической зависимостью.

Группа сравнения - 150 психически здоровых и психологически стабильных лиц, не имеющих суицидальных наклонностей и химических зависимостей. Выборка формировалась случайным образом из студентов и аспирантов биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, лечебного факультета 1 МГМУ им. И.М. Сеченова, лечебного и медико-биологического факультетов РНИМУ им. Н.И. Пирогова, факультета юриспруденции и ювенальной юстиции и факультета социального страхования, экономики и социологии труда РГСУ, факультета автоматизации и информатики МГГУ, а также учащихся 10-11-х классов средней общеобразовательной школы № 1613 и многопрофильного технического лицея № 1501 г. Москвы [5].

Методическую основу исследования составили 6 психологических тестов, предъявляемых респондентам для письменного заполнения в следующем порядке:

Шкала «Безнадежность» (Beck Hopelessness Scale) А.Т. Бека [16];

1. Шкала «Душевная боль» R.R. Holden et al. (The Psychache Scale) [21] в адаптации Т.В. Журавлевой, С.Н. Ениколопова, К.А. Чистопольской [5];
2. Опросник «Причины для жизни» M.M. Linehan, J.L. Goodstein et al. (Reasons for Living Inventory) [23] в адаптации Т.В. Журавлевой, С.Н. Ениколопова, К.А. Чистопольской [5];
3. Опросник «Отношение к смерти» P.Wong, J. Reker и J. Gesser (Death Attitude Profile-revised) [25] в адаптации К.А. Чистопольской и С.Н. Ениколопова [10, 11];
4. Шкала «Страх личной смерти» V. Florian и S. Kravetz (Fear of Personal Death Scale) [17] в адаптации К.А. Чистопольской и С.Н. Ениколопова [10, 11];

Опросник «Смыслы попытки суицида» D. Johns, R.R. Holden (Reasons for Attempting Suicide Questionnaire) [20] в адаптации Т.В. Журавлевой, С.Н. Ениколопова, К.А. Чистопольской [5].

Шкала «Безнадежность» (BHS) разработана А.Т. Беком [16] в рамках его когнитивной теории. Безнадежность в ней рассматривается как основополагающий компонент в системе негативного восприятия событий ближайшего и отдаленного будущего [2]. Шкала предназначена для оценки риска совершения суицидальных действий на основе мыслей о будущем и возлагаемых на него надежд [16]. Она включает 20 утверждений, которые отражают чувства, состояния респондентов, их отношение к своему будущему. Тестируемые лица могут либо соглашаться, либо не соглашаться с предложенными высказываниями. По сумме положительных ответов судят о выраженности негативного отношения субъектов к собственному будущему. Особую ценность шкала безнадежности А.Т. Бека представляет в качестве индикатора суицидального риска у лиц, страдающих депрессивными расстройствами, а также у индивидов с многократными попытками самоубийства [15].

Шкала «Душевная боль» (PS) разработана Р. Р. Хольденом [21] и адаптирована на русскоязычной выборке Т.В. Журавлевой, С.Н. Ениколоповым, К.А. Чистопольской [5]. Тест основан на концепции Э. Шнейдмана о невыносимой психической боли как основополагающем предикторе суицидального акта [12]. Шкала состоит из 13 утверждений, 9 из которых описывают эмоциональное восприятие психалгии, а 4 – ее

интенсивность. Высказывания оцениваются респондентами по пятибалльной шкале Лайкерта. Чем выше суммарный балл опрашиваемых по шкале «Душевная Боль», тем выше риск совершения ими суицидальных действий [21].

Методика «Причины для жизни» (RFL 48) разработана М.М. Лайнен [23] и адаптирована на русскоязычной выборке Т.В. Журавлевой, С.Н. Ениколоповым, К.А. Чистопольской [5]. Она опирается на теоретические представления Т. Миллона о важности взаимодействия биологических и социальных факторов научения и рассматривает суицидальное поведение с когнитивно-поведенческих позиций [7]. Тест представляет собой форму самоотчета, предназначенную для выявления суицидальных наклонностей у респондентов на основе анализа факторов, способствующих предотвращению попыток самоубийства. Методика «Причины для жизни» оценивает глубину веры человека в жизнь и во все обстоятельства, которые помогают выжить и дают возможность справиться с кризисными ситуациями [23]. Она состоит из 48 утверждений, оцениваемых респондентами по шестибалльной шкале Лайкерта, и включает шесть шкал: *способность к выживанию и совладанию, ответственность перед семьей, забота о детях, боязнь суицида, боязнь общественного осуждения и моральные запреты*. Сумма баллов по каждой из шкал отражает смысловую компоненту, вносимую в итоговую сумму баллов, по которой можно судить об общем уровне адаптации к различным жизненным ситуациям. Чем ниже количество баллов по какой-либо из шкал теста, тем больше вероятность того, что в данной сфере у респондента имеются нерешенные проблемы [13]. С помощью методики «Причины для жизни» можно с высокой степенью достоверности дифференцировать индивидов с суицидальными наклонностями от индивидов, таких наклонностей не имеющих [23].

Опросник «Отношение к смерти» (DAPR) основан на теории управления смыслом жизни П. Вонга, основной постулат которой заключается в том, что при низком уровне осмысления витальных проблем индивид начинает инвестировать жизненные смыслы в смерть, рассматривая ее в качестве единственно возможного способа выхода из кризисной ситуации. Тест разработан П. Вонгом, Дж. Рекером и Дж. Гессером [25] и адаптирован на русскоязычной выборке К.А. Чистопольской и С.Н. Ениколоповым [10, 11]. Он состоит из 32 утверждений, оцениваемых респондентами по семибалльной шкале Лайкерта, и включает пять шкал: *принятие-приближение смерти, избегание темы смерти, страх смерти, принятие смерти как бегства и нейтральное принятие смерти*. Данный опросник предназначен для оценки отношения человека к смерти как явлению, его взглядов на смерть, его способа принятия темы смерти на ментальном уровне [10].

Шкала «Страх личной смерти» (Fear of Personal Death Scale) разработана В. Флорианом и С. Кравцом [17] и адаптирована на русскоязычной выборке К.А. Чистопольской и С.Н. Ениколоповым [10, 11]. Опросник содержит 31 утверждение, оцениваемое респондентами по семибалльной шкале Лайкерта, и предполагает внутриличностное, межличностное и надличностное измерения, которые, в свою очередь, делятся на шкалы. Внутриличностное измерение включает три шкалы: *последствия для личности, последствия для тела и последствия для личных стремлений*. Межличностное измерение включает две шкалы: *последствия для близких и страх забвения*. Надличностное измерение представлено шкалой *трансцендентные последствия*. Опросник «Страх личной смерти» предназначен для исследования неприятия темы смерти и изучения причин, по которым человек вероятнее всего отторгает эту тему [10].

Опросник «Смыслы попытки суицида» (RASQ) разработан Д. Джонсом, Р.Р. Хольденом [19], модифицирован Р.Р. Хольденом, П.С. Керром [20] и адаптирован на русскоязычной выборке Т.В. Журавлевой, С.Н. Ениколоповым, К.А. Чистопольской [5]. Он основывается на методике Дж. Бэнкрофта, созданной для тестирования пациентов с наркотической

зависимостью с эпизодами передозировки в анамнезе в 70-е годы прошлого века [14]. Опросник содержит 14 утверждений, оценивающих по пятибалльной шкале Лайкерта побудительные мотивы суицидальных действий. Тест включает две шкалы: *манипулятивная мотивация/обвинение окружающих* и *внутреннее смятение*. С помощью опросника "Смыслы попытки суицида" с высокой степенью вероятности можно дифференцировать лиц с попытками самоубийства демонстративно-шантажного плана от лиц с попытками, обусловленными неспособностью субъектов справляться с кризисными ситуациями [22].

Наряду с тестированием респондентов с помощью описанных выше методик проводился так же их опрос с целью сбора анамнестических данных.

Статистическую обработку результатов тестирования проводили методами вариационной статистики с применением пакета прикладных программ Statistica for Windows, Kernel Release 6.0 фирмы StatSoft, Inc. (США). Вычислялись среднее арифметическое (M) и среднеквадратичная ошибка среднего (m) по каждой из шкал. Для оценки надежности тестов использовали α -коэффициент Кронбаха. Взаимосвязь между шкалами методик оценивали с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Достоверность различий между средними баллами по шкалам определяли с помощью t - критерия Стьюдента, принимая различия значимыми при $p < 0,05$ [9].

Результаты исследования и их обсуждение

Тестирование пациентов проводилось в стационарных условиях во время острого постсуицидального периода.

В группу лиц с алкогольной зависимостью вошли 34 человека, из них 29 мужчин и 5 женщин. Средний возраст по группе $36,1 \pm 1,4$ года. На момент госпитализации 15 пациентов (44 %) имели среднее, 13 пациентов (38 %) среднее специальное и 6 пациентов (18 %) высшее образование. При этом 8 человек (24 %) состояли в браке, 17 (50 %) были разведены, 9 (26 %) никогда не вступали в брачные отношения. У 23 представителей данной группы (68 %) есть дети. Каждый из пациентов совершил от одной до пяти попыток самоубийства. Основными побудительными мотивами для последней по времени суицидальной попытки являлись в 56 % случаев состояние алкогольного делирия, в 29 % случаев конфликты в семье, в 11 % случаев конфликты во взаимоотношениях с лицами противоположного пола, в 4 % случаев финансовые проблемы. При сборе анамнестических данных 10 суицидентов с алкогольной зависимостью (29 %) отметили наличие у них суицидальных мыслей, намерений и планов, у 24 (71 %) аутоагрессивные действия носили импульсивный характер. У 19 пациентов (56 %) последняя из попыток самоубийства совершалась в состоянии алкогольного делирия. У 5 суицидентов данной группы (15 %) выявлено наличие психических заболеваний. При опросе 19 пациентов (56 %) отметили факт наличия алкогольной зависимости у близких родственников, 8 из которых (42 %) погибли в результате суицидальных действий. Способы самоубийства у представителей данной группы отличались большим разнообразием. В 69 % случаев это были колото-резанные ранения различных частей тела, 36 % из которых носили проникающий характер, в 10 % случаев самоповешение, в 9 % случаев прыжки с высоты, в 6 % случаев отравление ядовитой жидкостью, в 3 % случаев инородное тело в пищеводе и в 3 % случаев огнестрельное ранение.

Все использованные для тестирования суицидентов с алкогольной зависимостью методики показали высокую степень надежности (таблица 1, с. 9). По шкалам «Безнадежность» и «Душевная боль» α -коэффициенты Кронбаха близки к 1,00 - 0,99 и 0,98 соответственно. По шкалам методики «Причины для жизни» величины α варьировали от

0,74 до 0,99, по шкалам опросников «Отношение к смерти» - от 0,88 до 0,97, «Страх личной смерти» - от 0,73 до 0,95, «Смысл попытки суицида» - от 0,93 до 0,96.

Таблица 1

Исследованные группы		Группа лиц без суицидальных наклонностей		Группа суицидентов с алкогольной зависимостью		Группа суицидентов с наркотической зависимостью		
		n=150		n=34		n=20		
		M±m	α	M±m	α	M±m	α	
Шкалы методик исследования суицидальности	BHS	Безнадежность	3.84±0.26	0.98	3.85±0.63	0.99	5.30±0.67 ●	0.99
	PS	Душевная боль	26.02±0.79	0.97	23.61±1.21	0.98	23.05±1.73	0.98
RFL 48		Способность к выживанию и совладанию	113.2±1.70	0.99	129.7±2.37 ●	0.99	123.9±4.87 ●	0.99
		Ответственность перед семьей	32.21±0.63	0.92	36.18±1.12 ●	0.94	33.60±2.26	0.94
		Забота о детях	15.15±0.30	0.78	16.88±0.42 ●	0.74	16.55±0.62 ●	0.71
		Боязнь суицида	19.72±0.55	0.92	23.45±1.63 ●	0.94	21.85±1.85	0.94
		Боязнь общественного осуждения	8.19±0.35	0.77	13.33±0.80 ●	0.74	10.75±0.92 ●	0.71
		Моральные запреты	11.80±0.49	0.83	17.88±1.03 ●	0.83	17.00±1.42 ●	0.83
DAPR		Принятие-приближение смерти	30.31±0.98	0.92	38.39±2.05 ●	0.97	38.50±2.67 ●	0.97
		Избегание темы смерти	21.19±0.70	0.77	28.03±1.11 ●	0.89	24.35±1.56 ●	0.88
		Страх смерти	27.41±0.74	0.87	34.52±1.68 ●	0.94	32.40±2.11 ●	0.94
		Принятие смерти как бегства	15.81±0.57	0.76	15.94±1.33	0.88	17.70±1.55	0.88
		Нейтральное принятие смерти	26.38±0.50	0.76	26.88±0.88	0.89	27.00±0.81	0.88
FPDS		Последствия для личности	34.03±0.94	0.90	41.12±2.31 ●	0.95	39.65±3.03 ●	0.95
		Последствия для тела	14.31±0.60	0.77	19.18±1.72 ●	0.89	19.20±1.77 ●	0.88
		Последствия для личных стремлений	33.81±0.92	0.87	40.36±1.65 ●	0.94	38.75±2.58 ●	0.94
		Трансцендентные последствия	15.33±0.62	0.75	20.15±1.42 ●	0.84	20.55±1.74 ●	0.83
		Последствия для близких	19.29±0.56	0.74	23.85±0.82 ●	0.84	21.60±1.53	0.83
		Страх забвения	8.35±0.40	0.73	11.30±0.93 ●	0.73	9.35±1.38	0.72
RASQ		Манипулятивная мотивация/ Обвинение окружающих	14.53±0.51	0.91	14.52±1.00	0.93	14.85±1.29	0.92
		Внутреннее Смятение	19.15±0.55	0.94	18.94±0.99	0.96	19.55±1.40	0.95

Примечание: α- альфа-коэффициент Кронбаха; ● - p<0,05; ● - p<0,01; ● - p<0,001.

У суицидентов с алкогольной зависимостью выявлены достоверные различия средних баллов по всем шкалам методики «Причины для жизни» по сравнению с лицами без суицидальных наклонностей. Так, по шкалам «Способность к выживанию и совладанию», «Ответственность перед семьей» и «Забота о детях» баллы страдающих алкогольной зависимостью суицидентов повышены на 15 %, 12 % и 11 % (p<0,001; p<0,01; p<0,001) соответственно по сравнению с контрольной группой, по шкале «Боязнь суицида» - на 19 % (p<0,05), а по шкалам «Боязнь общественного осуждения» и «Моральные запреты» на 63 % и 52 % соответственно (p<0,001; p<0,001).

Отмечены достоверные различия по первым трем шкалам опросника «Отношение к смерти». Средние баллы по шкале «Принятие-приближение смерти» превысили баллы контрольной группы на 27 % ($p < 0,001$), а по шкалам «Избегание темы смерти» и «Страх смерти» - на 32 % и 26 % ($p < 0,001$; $p < 0,001$) соответственно.

Средние баллы по всем шкалам методики «Страх личной смерти» у суицидентов с алкогольной зависимостью так же достоверно выше, чем у лиц без суицидальных наклонностей. Так, по шкале «Последствия для личности» они выше на 21 % ($p < 0,01$), по шкале «Последствия для тела» на 34 % ($p < 0,01$), по шкале «Последствия для личных стремлений» на 19 % ($p < 0,001$), по шкале «Трансцендентные последствия» на 31 % ($p < 0,01$), по шкале «Последствия для близких» на 24 % ($p < 0,001$), а по шкале «Страх забвения» - на 35 % ($p < 0,01$).

У суицидентов с алкогольной зависимостью (таблица 3, с. 12) так же, как у лиц без суицидальных наклонностей (таблица 2, с. 11), выявлена положительная взаимосвязь ($p < 0,001$) между баллами шкал «Безнадежность» и «Душевная боль». Кроме того, баллы по шкале «Безнадежность» негативно коррелировали с баллами шкалы «Способность к выживанию и совладанию» ($p < 0,05$).

Корреляции шкал у лиц без суицидальных наклонностей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	
1. Безднадежность	1.00	0.35	0.47	0.28	-0.18	-0.05	-0.05	-0.14	-0.05	-0.16	-0.19	0.15	0.06	-0.24	-0.03	-0.26	-0.22	-0.04	0.11	0.14	0.15	
2. Душевная боль	-	1.00	-0.36	-0.10	-0.11	0.02	0.03	0.01	0.11	0.03	0.08	0.18	0.01	0.07	0.05	0.01	-0.06	-0.07	0.36	0.43	0.43	
3. Способность к выживанию и соладанию	-	-	1.00	0.53	0.46	0.06	0.18	0.26	-0.03	0.19	0.09	-0.24	0.01	0.17	0.09	0.35	0.23	0.30	-0.23	-0.05	-0.18	
4. Ответственность перед семьей	-	-	-	1.00	0.63	0.09	0.24	0.30	0.05	0.20	0.06	-0.06	0.05	0.21	0.18	0.32	0.23	0.44	-0.04	-0.10	-0.04	
5. Забота о детях	-	-	-	-	1.00	0.05	0.27	0.29	0.09	-0.03	0.05	0.01	0.01	0.07	0.14	0.15	0.12	0.31	-0.10	-0.01	0.01	
6. Боязнь суицида	-	-	-	-	-	1.00	0.40	0.23	0.11	0.27	0.39	0.06	-0.13	0.17	0.35	0.21	0.36	0.18	0.21	0.22	0.14	
7. Боязнь общественного осуждения	-	-	-	-	-	-	1.00	0.26	0.14	0.25	0.19	0.05	-0.03	0.18	0.29	0.22	0.17	0.24	0.29	0.07	-0.03	
8. Моральные запреты	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.35	0.25	0.22	-0.04	-0.20	0.11	0.24	0.14	0.31	0.17	0.08	0.15	0.03	
9. Принятие-приближение смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.02	0.11	0.53	0.06	-0.13	0.17	-0.13	0.22	-0.06	0.23	0.28	0.25	
10. Избегание темы смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.64	-0.21	-0.24	0.21	0.33	0.22	0.29	0.13	0.00	0.07	0.09	
11. Страх смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.09	-0.30	0.39	0.46	0.31	0.56	0.09	0.12	0.12	0.15	
12. Принятие смерти как бегства	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.19	-0.05	0.07	-0.13	0.02	-0.05	0.18	0.22	0.21	
13. Нейтральное принятие	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.06	-0.06	0.02	-0.14	0.14	0.00	0.00	-0.02	
14. Последствия для личности	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.43	0.75	0.40	0.39	0.25	0.05	0.09	
15. Последствия для тела	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.42	0.56	0.35	0.36	0.15	0.13	
16. Последствия для личных стремлений	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.37	0.52	0.20	0.11	0.06	
17. Трансцендентные последствия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.30	0.10	0.15	13	
18. Последствия для близких	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.04	0.13	0.04	
19. Страх забвения	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.25	0.23	
20. Манипулятивная мотивация /Обвинение окр.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.73	
21. Внутреннее смятение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00

Примечание: r- коэффициент корреляции Пирсона; ◆ - p<0,05; ◆ - p<0,01; ◆ - p<0,001.

Таблица 3.

Корреляции шкал у суицидентов с алкогольной зависимостью	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1. Безднадежность	1.00	0.64	-0.39	-0.08	-0.06	0.08	0.12	0.02	0.19	-0.19	0.06	0.28	-0.27	-0.07	0.16	-0.24	0.01	-0.41	0.18	0.12	0.05
2. Душевная боль	-	1.00	-0.49	-0.28	-0.04	-0.10	0.07	-0.18	0.30	-0.28	-0.09	0.62	-0.03	-0.21	0.03	-0.50	-0.05	-0.42	0.18	0.11	0.08
3. Способность к выживанию и совладанию	-	-	1.00	0.56	0.11	0.17	0.44	0.42	0.26	0.32	0.38	-0.25	0.35	0.38	0.08	0.22	0.06	0.51	-0.11	-0.24	-0.33
4. Ответственность перед семьей	-	-	-	1.00	0.05	0.15	0.49	0.45	0.30	0.15	0.46	-0.32	0.02	0.36	-0.03	0.31	-0.07	0.53	-0.07	-0.21	-0.31
5. Забота о детях	-	-	-	-	1.00	0.37	0.32	0.30	0.00	0.11	0.13	-0.08	-0.12	0.49	0.32	0.44	0.33	0.40	0.02	-0.06	0.11
6. Боязнь суицида	-	-	-	-	-	1.00	0.37	0.42	-0.04	0.03	0.36	-0.19	-0.17	0.50	0.43	0.44	0.28	0.13	0.12	0.09	0.19
7. Боязнь общественного осуждения	-	-	-	-	-	-	1.00	0.46	0.39	0.05	0.45	0.09	0.01	0.60	0.33	0.32	0.34	0.40	0.18	-0.13	0.04
8. Моральные запреты	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.56	0.22	0.51	-0.03	0.27	0.24	0.07	0.08	-0.02	0.45	-0.06	0.03	-0.01
9. Принятие-приближение смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.02	0.32	0.47	0.48	-0.20	-0.04	-0.37	-0.31	0.26	-0.07	0.12	0.00
10. Избегание темы смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.35	-0.18	0.46	0.19	0.09	0.19	0.05	0.09	-0.04	-0.05	-0.13
11. Страх смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.17	0.27	0.40	0.33	0.32	0.14	0.09	0.12	-0.04	-0.04
12. Принятие смерти как бегства	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.28	-0.27	0.15	-0.52	-0.01	-0.29	0.25	0.03	0.09
13. Нейтральное принятие	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.17	-0.19	-0.19	-0.26	0.10	-0.09	-0.05	-0.09
14. Последствия для личности	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.54	0.67	0.68	0.44	0.23	-0.12	-0.16
15. Последствия для тела	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.41	0.69	0.15	0.16	0.03	0.17
16. Последствия для личных стремлений	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.49	0.31	-0.01	-0.15	0.08
17. Трансцендентные последствия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.10	0.14	-0.17	0.03
18. Последствия для близких	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.01	-0.08	-0.02
19. Страх забвения	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.16	-0.09
20. Манипулятивная мотивация /Обвинение окр.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.59
21. Внутреннее смятение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00

Примечание: r- коэффициент корреляции Пирсона; ◆ - p<0,05; ◆ - p<0,01; ◆ - p<0,001.

Но, в отличие от лиц без суицидальных наклонностей, наблюдалась отрицательная взаимосвязь баллов по шкале «Безнадежность» с баллами шкалы «Последствия для близких» ($p < 0,05$). Баллы по шкале «Душевная боль» у суицидентов с алкогольной зависимостью негативно коррелировали с баллами шкал «Способность к выживанию и совладанию» ($p < 0,01$), «Последствия для личных стремлений» ($p < 0,01$) и «Последствия для близких» ($p < 0,05$).

Так же, как у контрольной группы (таблица 2, с. 11), баллы шкал методик «Причины для жизни», «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» у алкозависимых суицидентов (таблица 3, с. 12) взаимосвязаны между собой и друг с другом. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо связей баллов обеих шкал опросника «Смысл попытки суицида» с баллами шкал других тестов у представителей данной группы. Однако, как и у лиц без суицидальных наклонностей, баллы шкал «Манипулятивная мотивация/обвинение окружающих» и «Внутреннее смятение» положительно связаны друг с другом ($p < 0,001$).

Таким образом, у суицидентов с алкогольной зависимостью после совершения попытки самоубийства наблюдается формирование ценностного отношения к жизни, они испытывают вину перед близкими и окружающими людьми за совершенные действия, нуждаются в их поддержке. У них значительно возрастает страх смерти и страх потери социальной идентичности.

В группу суицидентов с наркотической зависимостью вошли 20 человек, из них 17 мужчин и 3 женщины. Средний возраст по группе составил $32,9 \pm 1,7$ года. На момент госпитализации 8 наркозависимых суицидентов (40 %) имели среднее, 9 (45 %) среднее специальное, 1 (5 %) неоконченное высшее и 2 (10 %) высшее образование. При этом 6 человек (30 %) состояли в браке, 7 (35 %) были разведены, 7 (35 %) никогда не вступали в брачные отношения. У 11 представителей данной группы (55 %) есть дети. Каждый из них совершил от одной до пяти попыток самоубийства. Основными побудительными мотивами для последней по времени суицидальной попытки являлись в 60 % случаев наличие галлюцинаторно-бредового состояния, в 25 % случаев конфликты с родителями и сверстниками, в 15 % случаев проблемы во взаимоотношениях с лицами противоположного пола. При сборе анамнестических данных 6 суицидентов (30 %), страдающих наркотической зависимостью, отметили наличие у них суицидальных мыслей, намерений и планов, у 14 (70 %) аутоагрессивные действия носили импульсивный характер. У 60 % лиц последняя по времени попытка самоубийства совершалась на фоне галлюцинаторно-бредового синдрома в состоянии наркотического либо алкогольного опьянения. У 4 (20 %) суицидентов данной группы выявлено наличие психических заболеваний. При опросе 11 (55 %) пациентов отметили факт наличия либо наркотической, либо алкогольной зависимости у близких родственников, 6 (55 %) из которых совершали суицидальные попытки, в половине случаев закончившиеся летальным исходом. Подавляющее большинство представителей данной группы, а именно 14 человек (70 %), длительно употребляли

наркотические вещества опиатного ряда, 3 человека (15 %) имели зависимость от «спайсов» и 3 человека (15 %) предпочитали каннабиноиды и метамфетамины.

Среди способов самоубийства у суицидентов с наркотической зависимостью 80 % составляли колото-резаные ранения различных частей тела, 38 % которых носили проникающий характер, 15 % прыжки с высоты и 5 % самоповешение.

У суицидентов с наркотической зависимостью средний балл по шкале «Безнадежность» достоверно выше балла контрольной группы на 38 % ($p < 0,05$) (таблица 1, с. 9). Выявлены значимые различия по баллам шкал «Способность к выживанию», «Забота о детях», «Боязнь общественного осуждения» и «Моральные запреты». Они превысили баллы лиц без суицидальных наклонностей на 10 % ($p < 0,05$), 9 % ($p < 0,05$), 31 % ($p < 0,01$) и 44 % ($p < 0,01$) соответственно. Кроме того, средние баллы по шкалам «Принятие-приближение смерти», «Избегание темы смерти» и «Страх смерти» так же достоверно выше баллов контрольной группы на 27 % ($p < 0,01$), на 15 % ($p < 0,05$) и на 18 % ($p < 0,05$). По шкале «Последствия для личности» средний балл больше балла лиц без суицидальных наклонностей на 17 % ($p < 0,05$), по шкале «Последствия для тела» - на 34 % ($p < 0,01$), по шкале «Последствия для личных стремлений» - на 15 % ($p < 0,05$), а по шкале «Трансцендентные последствия» - на 34 % ($p < 0,01$).

У суицидентов, страдающих наркотической зависимостью, не выявлено связи между баллами шкал «Безнадежность» и «Душевная боль» (таблица 4, с. 16). Баллы по шкале «Безнадежность» негативно коррелировали с баллами шкалы «Забота о детях» ($p < 0,05$), а баллы шкалы «Душевная боль» были положительно взаимосвязаны с баллами шкалы «Принятие смерти как бегства» ($p < 0,05$). Так же, как и у двух других исследованных групп, баллы шкал методик «Причины для жизни», «Отношение к смерти», «Страх личной смерти» и «Смысл попытки суицида» у наркозависимых суицидентов взаимосвязаны между собой. Но, в отличие от суицидентов с алкогольной зависимостью (таблица 3, с. 12), у наркозависимых баллы по обеим шкалам опросника «Смысл попытки суицида» положительно коррелировали с баллами шкалы «Боязнь суицида» ($p < 0,05$) и шкалы «Последствия для тела» ($p < 0,05$). Кроме того, только баллы по шкале «Манипулятивная мотивация/обвинение окружающих» у суицидентов с наркотической зависимостью позитивно взаимосвязаны с баллами шкалы «Страх забвения» ($p < 0,05$), в отличие от лиц без суицидальных наклонностей (таблица 2, с. 11), у которых такая связь наблюдалась для обеих шкал опросника «Смысл попытки суицида».

Таким образом, суициденты с наркотической зависимостью после совершения попытки самоубийства негативно воспринимают свое будущее, несмотря на формирование ценностного отношения к жизни и появления страха смерти. Для них не очень важно мнение окружающих и близких людей. Они воспринимают акт самоубийства как действенный и кардинальный способ решения жизненных проблем.

Корреляции шкал у суицидентов с наркотической зависимостью	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1. Безднадежность	1.00	0.22	-0.29	-0.11	-0.45	0.08	-0.02	0.06	0.07	-0.09	-0.07	0.17	-0.15	-0.20	-0.07	-0.24	0.14	-0.21	0.38	-0.06	-0.15
2. Душевная боль	-	1.00	-0.31	-0.25	-0.09	0.14	0.06	-0.21	0.11	-0.38	-0.05	0.49	-0.40	-0.13	-0.00	-0.28	0.01	-0.40	0.17	-0.09	0.02
3. Способность к выживанию и овладению	-	-	1.00	0.83	0.68	0.12	0.53	0.57	-0.01	0.63	0.48	-0.74	-0.21	0.38	0.16	0.55	0.09	0.76	-0.47	-0.10	-0.18
4. Ответственность перед семьей	-	-	-	1.00	0.43	0.36	0.70	0.66	0.20	0.48	0.65	-0.65	-0.18	0.35	0.07	0.52	-0.07	0.70	-0.42	-0.06	-0.21
5. Забота о детях	-	-	-	-	1.00	-0.04	0.07	0.39	-0.21	0.26	0.25	-0.56	-0.21	0.20	-0.08	0.50	-0.06	0.41	-0.49	0.08	0.08
6. Боязнь суицида	-	-	-	-	-	1.00	0.51	0.44	0.33	0.20	0.68	-0.03	-0.33	0.36	0.41	0.13	0.19	0.31	0.29	0.46	0.48
7. Боязнь общественного осуждения	-	-	-	-	-	-	1.00	0.48	0.23	0.22	0.55	-0.23	-0.30	0.41	0.21	0.27	0.12	0.59	0.01	0.18	-0.06
8. Моральные запреты	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.52	0.30	0.61	-0.37	-0.28	0.21	-0.02	0.30	-0.03	0.41	-0.20	0.17	0.23
9. Принятие-приближение смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.03	0.24	0.31	0.01	-0.32	-0.07	-0.21	-0.37	-0.08	-0.15	-0.00	0.24
10. Избегание темы смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.40	-0.44	0.15	0.30	0.10	0.32	0.19	0.61	-0.22	-0.33	-0.22
11. Страх смерти	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.46	-0.18	0.53	0.43	0.58	0.28	0.65	0.01	0.37	0.32
12. Принятие смерти как бегства	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.05	-0.51	-0.11	-0.65	-0.10	-0.65	0.37	-0.05	0.25
13. Нейтральное принятие	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.42	-0.34	-0.22	-0.47	-0.16	-0.24	-0.10	-0.19
14. Последствия для личности	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.48	0.67	0.55	0.70	0.17	0.26	0.09
15. Последствия для тела	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.40	0.69	0.42	0.51	0.54	0.51
16. Последствия для личных стремлений	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.39	0.77	-0.16	0.29	0.17
17. Трансцендентные последствия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.32	0.46	0.24	0.32
18. Последствия для близких	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	-0.13	0.21	0.01
19. Страх забвения	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.50	0.38
20. Манипулятивная мотивация /Обвинение окр.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00	0.76
21. Внутреннее смятение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1.00

Примечание: r - коэффициент корреляции Пирсона; - $p < 0,05$; - $p < 0,01$; - $p < 0,001$

Подавляющее большинство аддиктов (70-71 %) совершали акты самоубийства импульсивно. Как полагает В.Ф. Войцех (2008), у аддиктивных личностей острые аффективно обусловленные суицидальные попытки имеют причинную связь с обострением компульсивного влечения и провоцируются гиперболизацией микросоциального конфликта. В нашем исследовании не выявлено преимущественного типа суицидальных действий ввиду отсутствия достоверных различий по шкалам опросника «Смысл попытки суицида» у обеих исследованных групп аддиктов. Попытки самоубийства у лиц с алкогольной и наркотической зависимостью в равной степени могут быть как истинными, так и демонстративно-шантажными. Преобладание в качестве способа суицида колото-резаных ранений, часто носящих проникающий характер, может, на наш взгляд, быть обусловлено обезболивающим эффектом алкоголя и опиатных наркотиков. Установлено, что прием больших доз алкоголя на фоне психотравмирующей ситуации создает иллюзию избавления от негативных эмоций и снижение интенсивности физической и психической боли [18].

В отличие от наркозависимых у суицидентов с алкогольной зависимостью выявлена положительная взаимосвязь безнадежности и душевной боли. Возможно, отсутствие такой связи у наркоманов объясняется тем, что совершение суицидальных действий не оказывает влияния на их негативное восприятие ближайшего и отдаленного будущего, несмотря на ослабление суицидального конфликта. Не исключено, что на суицидальное поведение лиц с наркотической зависимостью влияет так называемая вторичная наркотическая психопатизация, препятствующая адекватному реагированию на действие психотравмирующего фактора, вследствие чего происходит гиперболизация конфликтной ситуации [4].

У всех суицидентов после совершения попытки самоубийства появляется ценностное отношение к жизни. По мнению А.Г. Амбрумовой, категория жизненных смыслов – это одна из наиболее обобщающих характеристик понимания витальных ценностей и мироощущения на индивидуально-психологическом уровне [1]. В повседневных условиях жизни проблема поиска ее смыслов не стоит, перекрываясь, как правило, интересами бытия и запросами личности. Поэтому чаще всего наблюдается нейтральное отношение к смерти, отторжение темы смерти, отнесение ее к разряду трагических свершений или естественного завершения жизненного цикла [10]. Смысл жизни наполнен разнообразным содержанием, индивидуально очерченным для каждой конкретной личности согласно ее оптимистической, либо пессимистической установке. Но в условиях психологического кризиса, когда происходит блокировка жизненных целей и сужается спектр поиска альтернативных выходов из психотравмирующей ситуации, суицид может выступить в качестве единственно правильного, на взгляд индивида, решения витальных проблем [4]. Совершив попытку самоубийства и выжив, субъект, как это не парадоксально выглядит на первый взгляд, не только избавляется от негативных переживаний и начинает ценить жизнь, но у него при этом формируется и позитивное ценностное отношение к смерти [24]. В данном исследовании мы наблюдаем подобную трансформацию сознания у всех

суицидентов. Однако, лица с алкогольной зависимостью в большей степени, чем наркоманы, нуждаются в поддержке близких людей и зависят от мнения окружающих, у них выражен страх потери социальной идентичности. Высокий риск повторных суицидальных попыток у лиц с алкогольной зависимостью может быть обусловлен слабостью навыков самоконтроля и отсутствием поддержки микросоциального окружения, а у лиц с наркотической зависимостью - негативным восприятием событий ближайшего и отдаленного будущего и степенью социальной дезадаптации.

Выявленные особенности суицидального поведения аддиктивных личностей следует учитывать при коррекционной работе с данной категорией пациентов.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Возрастные аспекты суицидального поведения // В сб.: Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. М., 1989. С. 8-24.
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. Практикум по психотерапии. СПб.: Питер, 2002. 544 с.
3. Бисалиев Р.В., Вешнева С.А. Суицидальное поведение у аддиктов и их родственников. Астрахань: ФГБОУ ВПО АГТУ, 2013. 273 с.
4. Войцех В.Ф. Клиническая суицидология. М.: Миклош, 2008. 280 с.
5. Журавлева Т.В. Адаптация методик исследования суицидального потенциала личности. Курсовая работа.- М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2014.-40с.
6. Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г., Антонова О.И., Никитина С.Ю., Евдокушкина Г.Н., Чернобавский М.В. Ситуация с суицидами в России и мире/ В книге: Смертность российских подростков от самоубийств. М.: ЮНИСЕФ, 2011. С.8-18.
7. Лайнен Марша М. Когнитивно-поведенческая терапия пограничного расстройства личности. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2008. 592 с.
8. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад ВОЗ о ситуации в мире / Под редакцией Э.Г. Круга и др. Перевод с английского. М.: «Весь мир», 2003. 376 с.
9. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2012. 392 с.
10. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Бадалян А.В., Саркисов С.А. Адаптация методик отношения к смерти у людей в остром постсуициде и в относительном психологическом благополучии // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 2. С. 35-42.
11. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Храмельашвили В.В., Казанцева В.Н., Журавлева Т.В. Адаптация опросников «Отношение к смерти»

-
- и «Страх личной смерти» на русскоязычной выборке // Суицидология. 2014. Т. 5. № 2(15). С. 60-69.
12. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
 13. Aishvarya S., Maniam T., Karuthan C., Sidi Hatta, Ruzyanei Nik, Oei T. P. S. Psychometric properties and validation of the Reasons for Living Inventory in an outpatient clinical population in Malaysia// *Comprehensive Psychiatry*. 2014. Vol. 55 (1). P. S107-S113.
 14. Bancroft J.H.J., Skrimshire A.M., Simkin S. The reasons people give for taking overdoses // *British Journal of Psychiatry*. 1976. Vol. 128. P. 538-548.
 15. Beck A.T., Steer R.A., Kovacs M., Garrison B. Hopelessness and eventual suicide: a 10-year prospective study of patients hospitalized with suicidal ideation // *American Journal of Psychiatry*. 1985. Vol. 142. P. 559-563.
 16. Beck A. T., Weissman A., Lester D., Trexler L. The measurement of pessimism: The Hopelessness Scale // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Vol. 42. P. 861-865.
 17. Florian V., Kravetz S. Fear of Personal Death: Attribution, Structure and Relation to Religious Belief // *Journal of personality and social psychology*. Vol. 44. P. 600-607.
 18. Gonzalez V. M., Bradizza C. M., Collins R. L. Drinking to cope as a statistica mediator in the relationship between suicidal ideation and alcohol outcomes among underage college Drinkers // *Psychol. Addict. Behav.* 2009.Vol. 23. N 3. P. 443-451.
 19. Johns D., Holden R.R. Differentiating suicidal motivations and manifestations in a nonclinical population // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1997. Vol. 29. P. 266-274.
 20. Holden R.R, Kerr P.S., Mendonca J.D., Velamoor V.R. Are some motives more linked to suicide proneness than others? // *Journal of Clinical Psychology*. 1998. Vol. 54. P. 569-576.
 21. Holden R.R., Mehta K., Cunningham E.J., McLeod L.D. Development and Preliminary validation of a scale psychache // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2001. Vol. 33. P. 224-232.
 22. Levinger Sh., Holden R.R. Reliability and Validation of the Hebrew Version of the Reasons for Attempting Suicide Questionnaire (RASQ-H) and its Importance for Mental Pain // *Journal SUICIDE and Life-Threatening Behavior*. 2014. Vol. 44 (1). P. 13-18.
 23. Linehan M.M., Goodstein J.L., Nielsen S.L., Chiles J.A. Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983. Vol. 51. P. 276-286.

-
24. *Malone K.M., Oquendo M.A., Haas G.L. et al.* Protective factors against suicidal acts in major depression reasons for living // *Am. J. Psychiatry.* 2000. Vol.157. P.1084-1088.
 25. *Wong P.T., Reker G.T., Gesser G.* Death-Attitude Profile-Revised: A Multidimensional Measure of Attitudes toward Death // *Death Anxiety Handbook: Research, Instrumentation, and Application* / R. Neimeyer *Exp. Psychology.* 2001. Vol. 130. N 3. P. 427-435.
 26. *Yuodelis-Flores C., Ries R. K.* Addiction and suicide: A review // *The American Journal on Addictions.* 2015. Vol. 24. P. 98-104.

Clinical and psychological characteristics of addicts with uncompleted suicidal attempts

Volkova I.V., Professor of School of History, Faculty of Humanities Higher School of Economics National Research University, Doctor of Science (History) (*wolkowa-irina @yandex.ru*)

Investigated the social, psychological and clinical aspects of suicidal behaviour of alcohol dependent and drug-dependent persons with incomplete attempts suicide, hospitalized in the Department of crisis conditions and psychosomatic disorders of the Institute of emergency aid named after N. V. Sklifosovsky, in the period from November 2014 to June 2015. The vast majority of addicts (70 %) identified affective nature of suicidal acts. In acute postsuicide period in all surveyed observed the formation of value attitude to life, the conflict loses its relevance against the backdrop of fear of death and fear of social and transcendental consequences of the act committed suicide. Persons with alcohol dependence feel guilt before family and other people in need of their support. They have greatly increased the fear of loss of social identity. In persons with drug dependence remains negative perception of the events of the near and distant future, they see suicide as an effective and radical solution to life's problems. Based on these data it is concluded that the risk of repeated suicide attempts in persons with alcohol dependence may be due to the weakness of coping skills and lack of support microsocial environment, and in individuals with addiction - a negative perception of their own future and the degree of social maladjustment.

Keywords: suicidal behavior, incomplete suicide attempt, alcohol dependence, drug dependence.

References

1. *Aishvarya S., Maniam T., Karuthan C., Sidi Hatta, Ruzyanei Nik, Oei T. P. S.* Psychometric properties and validation of the Reasons for Living Inventory in an outpatient clinical population in Malaysia // *Comprehensive Psychiatry*. 2014. Vol. 55 (1). P. S107-S113.
14. *Bancroft J.H.J., Skrimshire A.M., Simkin S.* The reasons people give for taking overdoses // *British Journal of Psychiatry*. 1976. Vol. 128. P. 538-548.
15. *Beck A.T., Steer R.A., Kovacs M., Garrison B.* Hopelessness and eventual suicide: a 10-year prospective study of patients hospitalized with suicidal ideation // *American Journal of Psychiatry*. 1985. Vol. 142. P. 559-563.
16. *Beck A. T., Weissman A., Lester D., Trexler L.* The measurement of pessimism: The Hopelessness Scale // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Vol. 42. P. 861-865.
17. *Florian V., Kravetz S.* Fear of Personal Death: Attribution, Structure and Relation to Religious Belief // *Journal of personality and social psychology*. Vol. 44. P. 600-607.

-
18. *Gonzalez V. M., Bradizza C. M., Collins R. L.* Drinking to cope as a statistical mediator in the relationship between suicidal ideation and alcohol outcomes among underage college Drinkers // *Psychol. Addict. Behav.* 2009. Vol. 23. N 3. P. 443-451.
 19. *Johns D., Holden R.R.* Differentiating suicidal motivations and manifestations in a nonclinical population // *Canadian Journal of Behavioural Science.* 1997. Vol. 29. P. 266-274.
 20. *Holden R.R, Kerr P.S., Mendonca J.D., Velamoor V.R.* Are some motives more linked to suicide proneness than others? // *Journal of Clinical Psychology.* 1998. Vol. 54. P. 569-576.
 21. *Holden R.R., Mehta K., Cunningham E.J., McLeod L.D.* Development and Preliminary validation of a scale psychache // *Canadian Journal of Behavioural Science.* 2001. Vol. 33. P. 224-232.
 22. *Levinger Sh., Holden R.R.* Reliability and Validation of the Hebrew Version of the Reasons for Attempting Suicide Questionnaire (RASQ-H) and its Importance for Mental Pain // *Journal SUICIDE and Life-Threatening Behavior.* 2014. Vol. 44 (1). P. 13-18.
 23. *Linehan M.M., Goodstein J.L., Nielsen S.L., Chiles J.A.* Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory // *Journal of Consulting and Clinical Psychology.* 1983. Vol. 51. P. 276-286.
 24. *Malone K.M., Oquendo M.A., Haas G.L. et al.* Protective factors against suicidal acts in major depression reasons for living // *Am. J. Psychiatry.* 2000. Vol.157. P.1084-1088.
 25. *Wong P.T., Reker G.T., Gesser G.* Death-Attitude Profile-Revised: A Multidimensional Measure of Attitudes toward Death // *Death Anxiety Handbook: Research, Instrumentation, and Application / R. Neimeyer Exp. Psychology.* 2001. Vol. 130. N 3. P. 427-435.
 26. *Yuodelis-Flores C., Ries R. K.* Addiction and suicide: A review // *The American Journal on Addictions.* 2015. Vol. 24. P. 98-104.

Связь темперамента субъекта преступления с особенностями правонарушений

Дьяков С.И., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Филлиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (sd333@mail.ru)

Шаблій И.В., бакалавр психологии, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (ilonsy@mail.ru)

Раскрыты особенности связи психологических свойств темперамента с типами преступлений. Проведен анализ научных представлений о роли темперамента в предрасположенности личности к преступлению. С помощью эмпирического исследования подтверждена гипотеза о том, что испытуемые, совершившие определенный тип преступления, имеют специфические личностно-психологические характеристики, раскрывающие детерминанты их правонарушений. В работе кроме личностных опросников ЕРІ и ММРІ использованы методы анализа личных дел осужденных; наблюдения их поведения и беседы с ними; составления психологических портретов. Также разработана и использована оригинальная анкета. Результаты показали, что среди преступников-убийц преобладают люди с тенденцией к выражению холерических свойств темперамента, выраженной потребностью в самоутверждении, аффективным поведением, импульсивностью и пренебрежением к социальным требованиям. Преступникам, совершившим воровство, свойственно утверждение своей личности не только в глазах окружения, но, прежде всего, в своих собственных. У виновных в совершении изнасилований обычно отсутствует ясное представление о традиционно мужских и женских чертах в поведении, отношения между мужчиной и женщиной ограничиваются сексуальными функциями. Преступники, осужденные за мошенничество и хулиганство, не способны устанавливать контакты с окружающими, не умеют встать на точку зрения другого, у них наблюдается пренебрежение к морально-этическим нормам.

Ключевые слова: темперамент, субъект преступления, личность преступника, делинквентное поведение, пенитенциарная психология.

Для цитаты:

Волкова И.В. Принципы организации практики в условиях сетевого взаимодействия (на примере разработки модуля «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии») [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 4. С. . doi: 10.17759/psylaw.2015050401

For citation:

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Chernushevich V.A. The problem of a psychological definition of "Legally relevant situations" [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp. doi: 10.17759/psylaw.2015050401

Вопрос человеческой преступности интересовал ученых еще с древних времен. Личность преступников исследовали в институтах, лабораториях, больницах, а также в исправительных учреждениях.

Известный итальянский судебный психиатр и криминолог Ч. Ломброзо один из первых предпринял систематическое исследование преступников, опираясь на строго фиксируемые антропометрические данные. Профессор Московского университета С.В. Познышев, один из основоположников отечественной юридической психологии, стремился с помощью психологической науки объяснять причины совершения различных преступлений [4]. М.М. Коченов одним из первых в экспертологическом исследовании обозначил проявление возможности обвиняемого быть субъектом деяния через способности осознавать и руководить своими действиями, имея в виду самоорганизацию личности.

В современном уголовном праве акцентирован психолого-юридический подход (Л.В. Алексеева, А.Ф. Зелинский, Н.Г. Иванов, В.Н. Кудрявцев, Р.И. Михеев, Б.В. Сидоров, Б.А. Спасенников; В.Г. Павлов, Н.С. Таганцев и др. [1–3; 6; 15]) и стремление исследователей раскрыть психологические механизмы субъекта преступления (Л.В. Алексеева, К. Бартол, Р. Блэкборн, Е.Г. Дозорцева, Е.И. Сулимовская, И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова, О.Д. Ситковская, И.А. Горьковская, Ф.С. Сафуанов и др. [1; 5; 6; 8; 12–15]). Личность преступника является объектом исследования не только ученых, но и практиков. Изучение преступной личности происходит не только для научных познаний и новых открытий, но и для общественной пользы с целью предотвращения и распространения преступности, улучшения жизненных условий существования в исправительных учреждениях, для лучшей адаптации преступника в общественной жизни после освобождения, для улучшения качества системы наказаний, для увеличения количества способов работы с данной категорией. В настоящий момент психологическая помощь в исправительных учреждениях, полиции следственных изоляторах очень востребована, но мало практикуема. На сегодняшний день рассматривается необходимость системной психологической работы с данной категорией людей. Психологами изучаются подходы в работе, рассматриваются вопросы взаимосвязи характера, темперамента с особенностями правонарушений, со способностью преступников адаптироваться в исправительных учреждениях закрытого типа, с особенностями поведения после освобождения. Основной целью, направленной на гармоничное сосуществование людей в обществе и социокультурный прогресс, является понимание причин преступности [13]. И это во многом связано с психологическими факторами жизни человека в обществе. В целом, анализ научных источников показал, что психологическая парадигма человека как субъекта преступления нуждается в разработке как в психолого-юридическом, так и в общепсихологическом плане.

В данной статье рассматривается проблема предрасположенности личности к делинквентной форме поведения, связанная в психологии со свойствами темперамента. Отсюда цель исследования: определить особенности связи психологических свойств темперамента с типами преступлений.

Задачи исследования:

- 1) провести анализ и систематизировать представления о роли темперамента в предрасположенности личности к преступлению;
- 2) в эмпирическом исследовании подтвердить связь свойств темперамента с типами преступлений.

Раскрывая аспекты темперамента в системе психологических факторов делинквентного поведения следует отметить следующее. Преступника можно определить, как «...личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [1, с. 185]. В целом проблему исследования личности преступника принято рассматривать в трех аспектах:

- 1) формирование личности преступника, личность в ее взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией и личность в момент совершения преступления;
- 2) личность преступника в процессе осуществления правосудия;
- 3) личность преступника в период отбывания наказания.

В XX в. Г. Айзенк [3] в ходе своих исследований свойств нервной системы пришел к выводу, что чем выше у человека признаки экстравертивности, тем ближе он к совершению преступления. Ученый предполагал, что неврологические особенности личности являются одним из основных факторов, которые обуславливают антисоциальное и преступное поведение человека в обществе.

По мнению Г. Айзенка [3], преступное поведение человека есть не что иное, как результат взаимодействия между определенными условиями его окружения и свойствами нервной системы. Теория преступности, по словам Г. Айзенка, должна включать обследование нейрофизиологической структуры и изучение социальной истории каждого человека. Он считал, что отрицательные социальные условия, например, бедность, плохое образование, безработица, не являются главными факторами совершения преступления, равно как и наследственность. В одной из своих научных работ Айзенк также предположил, что различные комбинации нейробиологических, личностных факторов и факторов окружения вызывают различные типы преступления [3].

Ч. Ломброзо, итальянский тюремный врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, выдвинул идею о прирожденном преступнике, он предполагал, что преступникам свойственны аномалии внутреннего и внешнего анатомического строения, которые присущи первобытным людям и человекообразным обезьянам [9]. Изначально в своей теории Ч. Ломброзо признавал один общий тип прирожденного преступника; позже стал признавать три: тип убийцы, вора и насильника. Об этих же типах говорят и два других представителя антропологической школы – Э. Ферри и Р. Гарофало. Они считают, что:

- 1) убийцам свойственны обыкновенно стеклянные, холодные глаза, налитые кровью, большой, орлиноподобный нос, развитые клыки, челюсти и скулы;
- 2) воров Ч. Ломброзо описал как личностей с ярко выраженной подвижностью лица и рук, блуждающими маленькими глазами, суровыми бровями, редкой бородой, кривые, курносые носы;
- 3) насильники, в свою очередь, отличны блестящими глазами, сильным голосом, вздутыми губами, женственными телодвижениями.

Прирожденным преступникам также присущи относительно большой размер лица по сравнению с остальной частью черепа [10]. В результате своих исследований Ч. Ломброзо пришел к выводу, что с точки зрения особенностей темперамента природными преступникам свойственны такие качества, как: нравственная черствость, нечувствительность, непредусмотрительность, в силу которых они не ощущают угрозу закона. Такие личности редко испытывают раскаяние и угрызение совести. Особыми влечениями и страстями таких людей Ч. Ломброзо считал любовь к игре, экстриму, острым ощущениям. Все эти особенности пересекались с необузданностью, непостоянством и сильно развитым тщеславием. Обоняние у преступников отличается большой остротой, особенно у преступников против половой нравственности. Антропометрические исследования Ч. Ломброзо показали, что природный преступник обычно левша, и правое полушарие мозга работает у него более, чем левое. Походка имеет свои особенности: левый шаг длиннее правого и, кроме того, левая ступня образует с осевой линией больший угол, чем правая.

Особенное значение Ч. Ломброзо указывает на пониженную чувствительность к боли у природных преступников. Так он пишет: «Я видел, как двое убийц, ненавидящих друг друга с давних пор и сделавших друг на друга донос, на прогулке подрались, причем один укусил другому губу, а тот вырвал у противника волосы; оба потом жаловались не на раны, повлекшие за собой тяжелые последствия, а на то, что им не удалось докончить мщения» [11, с.115]. Эта способность, по мнению Ч. Ломброзо, указывает на то, что преступники сравнительно долговечны. Ею же Ломброзо и Ферри объясняют и недоразвитие у преступников чувства сострадания. Природный преступник, по учению Ч. Ломброзо, представляет собой, прежде всего, анатомо-физиологический тип. Анатомическая школа Ч. Ломброзо измеряет все части тела преступника и всюду находят особенности. Эти особенности, в основном, носят внешний характер, но некоторые, как уже было описано выше, в случае черепа и мозга, скрыты внутри организма и обнаруживаются при вскрытии. У природных преступников часто наблюдаются: асимметрия черепа, короткий лоб, выступающий профиль, различные отклонения формы черепных и лицевых костей [11].

В современных исследованиях Ю.М. Антонян [2] внес весомый вклад в изучение проблем личности преступника и преступного поведения, бессознательных мотивов совершения преступлений. Он разработал концепцию причин преступного поведения лиц с психическими аномалиями, его предупреждения и исправления таких людей в местах лишения свободы. Ю.М. Антонян является основным разработчиком проблем современной криминальной психиатрии. На данный момент он является одним из главных специалистов в области изучения терроризма как особой проблемы агрессии в России.

Д.А. Дриль в своих исследованиях показал, что множество сравнительно-описательных исследований больших групп преступников показало, что они отличаются от законопослушных граждан повышенной импульсивностью и агрессивностью. Каким бы странным это явление ни казалось, но вышеописанные особенности сочетаются у преступников с повышенной ранимостью и чувствительностью в межличностных отношениях. Любому преступнику свойственно хуже запоминать правовые и нравственные нормы. Такие люди далеки от общества и сложившихся в нем моральных ценностей и правил. Преступники реже, чем законопослушные граждане, состоят в малых социальных группах, таких как, семья, коллектив т. д. У них наблюдается низкий уровень адаптации в обществе [6].

Вышеописанные черты, по мнению Ю.М. Антоняна, присущи в основном наиболее распространенным типам преступников – тем, кто совершает грабежи, насилие, разбойные

нападения, изнасилования, убийства. В меньшей степени такие качества присущи тем, кто занимается кражами, и практически не свойственны экономическим преступникам [2].

В преступном поведении личности отражены генетическая предрасположенность и задатки: темперамент, характер, патологии. Особенности внешней среды не порождают преступное поведение, а только обуславливают психологию личности преступника и его действий в момент совершения преступления. Человек, образно говоря, «выбирает» и усваивает те социальные факторы внешней среды, которые, по его мнению, наиболее соотносятся с его врожденными способностями, склонностями и особенностями [7; 12].

Исходя из существующих представлений на природу темперамента, нами взято за основу понимание темперамента как устойчивых свойств личности, которые складываются на основе врожденных задатков и кристаллизуют структуру личности в поле жизнедеятельности. Подобно позиции Г. Айзенка и др. темперамент нами рассматривается как целостная система психической самоорганизации поведения человека, в которой консолидированы факторы и механизмы генетической и внешне средовой детерминации.

На данных основаниях было организовано эмпирическое исследование для раскрытия и подтверждения связи свойств темперамента с особенностями правонарушений. В исследовании рассматривались 4 основных типа преступной личности, которые выделяют в криминалистике:

- 1) преступники, совершившие убийство;
- 2) преступники, совершившие воровство;
- 3) преступники, совершившие насильственные преступления;
- 4) преступники, совершившие мошенничество или хулиганство (мелкие правонарушения).

Исследование проводилось на базе исправительной колонии среднего уровня безопасности для неоднократно судимых г. Кременчуга в 2014–2015 гг. В исследовании приминали участие 20 осужденных по разным статьям уголовного кодекса.

Гипотеза. Типы правонарушений имеют связь с особенностями темперамента субъекта преступления.

В процессе исследования использовались психологические методы и методики: личностные опросники Г. Айзенка (EPI) и «Миннесотский многоаспектный личностный опросник» (MMPI); анализ личных дел осужденных; наблюдение поведения осужденных и беседа с ними; составление психологических портретов и экспертная оценка. Также разработана оригинальная анкета для определения связи особенностей темперамента с типами преступлений. Для обработки данных использовался качественный метод и методы математической статистики (описательной статистики и корреляционного анализа (Пирсона), пакет SPSS 12).

Для определения связи особенностей темперамента с типами преступлений нами была разработана анкета, которая прошла экспертную оценку (преподаватели-психологи Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова и психологов исправительного учреждения). Вопросы анкеты представлены ниже.

1. Как проходило ваше детство? Назовите самые яркие события из детства.
2. Чаще Вы предпочитаете общество или одиночество?
3. Вы стремитесь к лидерству?
4. Ваше отношение к противоположному полу?
5. Часто Вы бываете импульсивны, несдержанны?

6. Вы способны переосмыслить свои поступки, покаяться?
7. В момент совершения преступления, Вы хотели самоутвердиться?
8. Преследуемые мотивы.
9. Вы вините кого-то, помимо себя в содеянном?
10. Вы считаете, что справедливо отбываете наказание?
11. Опишите себя тремя словами.
12. Что для Вас значат другие люди?
13. Что для Вас является наиболее ценным в жизни?

Анализ результатов исследования. В результате полученных данных, мы пришли к выводу, что испытуемые, совершившие определенный тип преступления, имеют специфические личностно психологические характеристики, раскрывающие детерминанты их правонарушений. Так среди преступников, которые совершили убийство, преобладают люди с тенденцией к выражению холерических свойств темперамента, экстраверсии и повышенным уровнем нейротизма. Положения респондентов можно видеть на рис. 1 (№ 1–5).

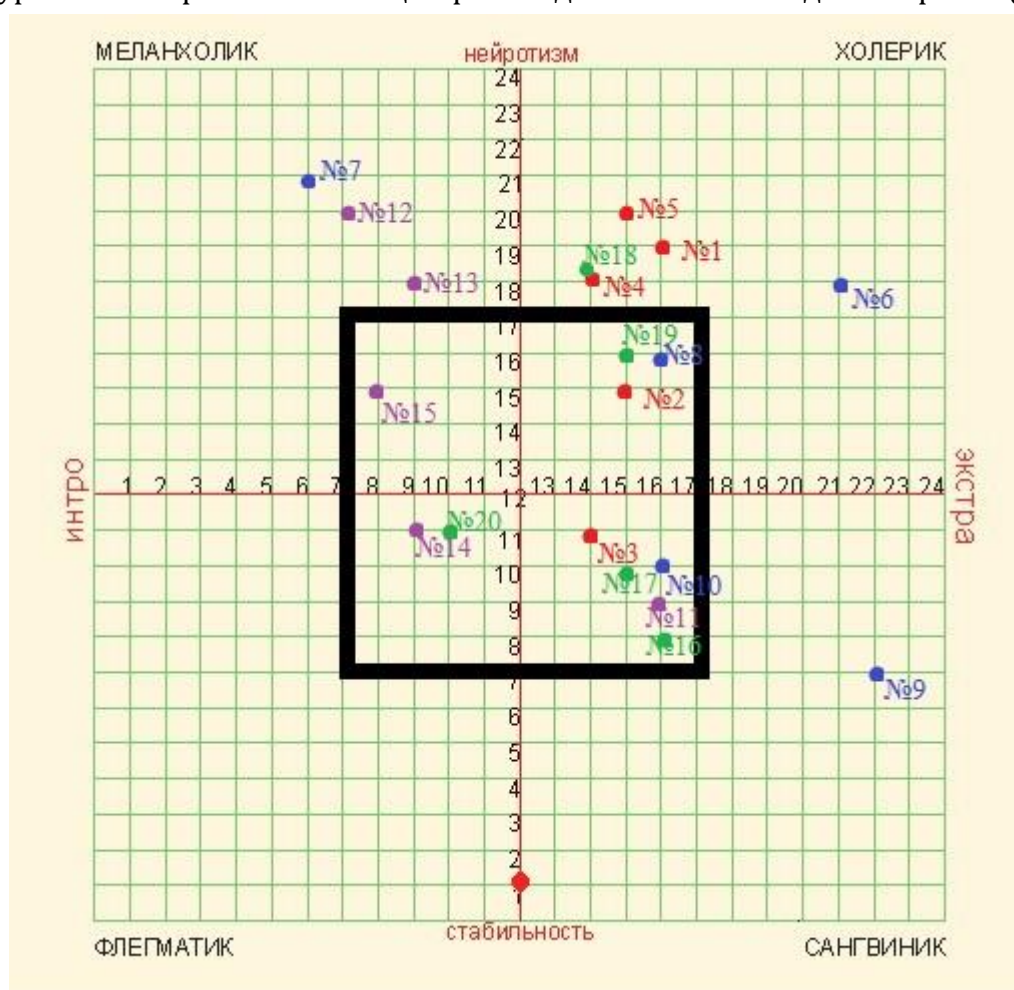

Рис. 1. Положения респондентов всех испытуемых групп

Единый психологический портрет, составленный по результатам тестирования ММРІ (рис. 2), АРQ и анкетирования группы испытуемых, которые осуждены за убийство, может характеризоваться следующим образом: поведение данных испытуемых в значительной мере определяется аффективно заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях. Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного

взаимодействия, подозрительны, воспринимают внешнюю среду как враждебную. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, она легко меняется под влиянием аффекта. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в жизни, интерпретируются как результат враждебных действий со стороны окружения. В своих неудачах они склонны винить других, а не себя. Наиболее чувствительны такие люди в сфере личной чести, для них характерно повышенное сознание своей ценности. Наделение других людей своими мыслями, ощущениями и действиями приводят к тому, что они начинают восприниматься как враждебные и агрессивные. Вследствие этого, совершая акт насилия, убийца считает, что он таким образом защищает свою жизнь, свою честь, «справедливость», а иногда и интересы других. Следовательно, убийц отличает от всех других категорий преступников, прежде всего, чрезмерная стойкость аффекта. Значительное повышение по шкале 4 (психопатии) связано с таким свойством, как импульсивность поведения и пренебрежение социальными нормами, агрессивность. Пик по шкале 6 (паранойи) усиливает агрессивность поведения за счет общей ригидности и стойкости аффекта. Таким образом, преступники, совершившие убийства отличаются от других наибольшей неуправляемостью поведения и внезапностью асоциальных поступков. У убийц в наибольшей степени выражена тенденция выглядеть в лучшем свете. У преступников данного типа наиболее высокие значения по шкалам 4 и 6. Поэтому можно сказать, что у этих преступников в наибольшей степени выражена потребность в самоутверждении, аффективный фон оказывает непосредственное влияние на поведение в большей степени, чем у других преступников, т. е. у них наиболее сильно выражены такие черты, как импульсивность и пренебрежение к социальным нормам и требованиям.

На основе полученных данных тестирования ММРІ (рис. 2), АРQ и анкетирования можно составить единый психологический портрет преступников, *совершивших воровство*. К этому типу преступников относятся лица, смыслом преступного поведения которых является утверждение своей личности не только в глазах окружения, но, прежде всего, в своих собственных. Этот тип преступников напрямую связан с теми социальными предпосылками, которые существуют в обществе. В основе корыстных преступлений часто лежит внутренняя неуверенность в себе как личности, достойной в признании со стороны других. Прежде всего их отличает плохая социальная приспособленность, общая неудовлетворенность своим положением в обществе. У них выражена такая черта, как импульсивность, которая проявляется в сниженном самоконтроле своего поведения, необдуманных поступках, эмоциональной незрелости, инфантилизме. Для них характерна повышенная враждебность к окружению, а их преступные поступки выступают как постоянная линия поведения. Они с трудом усваивают нравственно-правовые нормы.

Позиции респондентов, совершивших воровство, в пространстве координат свойств темпераментов указаны на рис. 1 (№ 6–10).

Следующая рассматриваемая нами группа – *насильственные преступники*. Исходя из полученных психологических портретов испытуемых, можно дать общую характеристику особенностей личности преступника, данной группы. У виновных в совершении изнасилований обычно отсутствует ясное представление о традиционно мужских и женских чертах в поведении, отношения между мужчиной и женщиной в основном ограничиваются сексуальными функциями, что свидетельствует о социально-психологической незрелости. Именно поэтому их стремление к доминированию по отношению к женщине так часто ограничивается насильственной реализацией полового акта.

Сравнительный анализ профилей ММРІ (рис. 2) преступников различных категорий и совершивших изнасилования показывает наличие различий между ними только по одному параметру методики: шкала 5 (мужественность–женственность). По остальным параметрам

методики профили преступников, совершивших изнасилования, практически совпадают с усредненным профилем преступников других категорий. Также наблюдаются некоторые отличия в аспектах социально-психологической адаптации и особенностях межличностных отношений. Стоит обратить внимание на рост шкалы аутизации (8-я шкала). Психологический же смысл самого преступления можно рассматривать как стремление всячески утвердить себя по отношению к женщинам. Об этом говорит и характер совершенного преступления, в котором очень часто в меньшей степени отражаются сексуальные мотивы, а в большей – самоутверждение. Такая тенденция может рассматриваться как следствие нарушенной идентификации с мужскими качествами. Результаты испытуемых данной группы можно увидеть на рис. 1 (№ 11–15).

Четвертой группой испытуемых были преступники, осужденные за *мошенничество и хулиганство*. Результаты тестов в данной группе показали, что преступники этой категории не способны устанавливать контакты с окружающими, не умеют встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны. У преступников такого типа зачастую наблюдается пренебрежение к морально-этическим нормам, обычаям, правилам, запретам, установленным обществом. Поэтому еще более возрастают трудности социальной адаптации. Асоциальные проявления на ранних стадиях делинкветного поведения представляются стойкой недоброжелательностью по отношению к окружающим. Все испытуемые данного типа тревожны, склонны относиться к окружающим с недоверием. По данным методик некоторым испытуемым присуща психопатичность, явные психические патологии. Мошенники питают сильное пристрастие к совершению различных афер и патологической лжи. Обычно такие преступники очень азартны. Также мошенники испытывают неизбывную и непреодолимую тягу к совершению новых преступлений, что мы и могли наблюдать в результате беседы с одним из преступников. Отсутствие угрызений совести, жалости, отказ подчиняться установленным правилам, жестокость, цинизм – главные качества, присущие преступнику, совершившему мошенничество или хулиганство. Полученные результаты данной категории преступников можно видеть на рис. 1 (№ 16–20).

На рис. 2 изображен график сравнительных данных по результатам ММРІ каждой группы испытуемых.

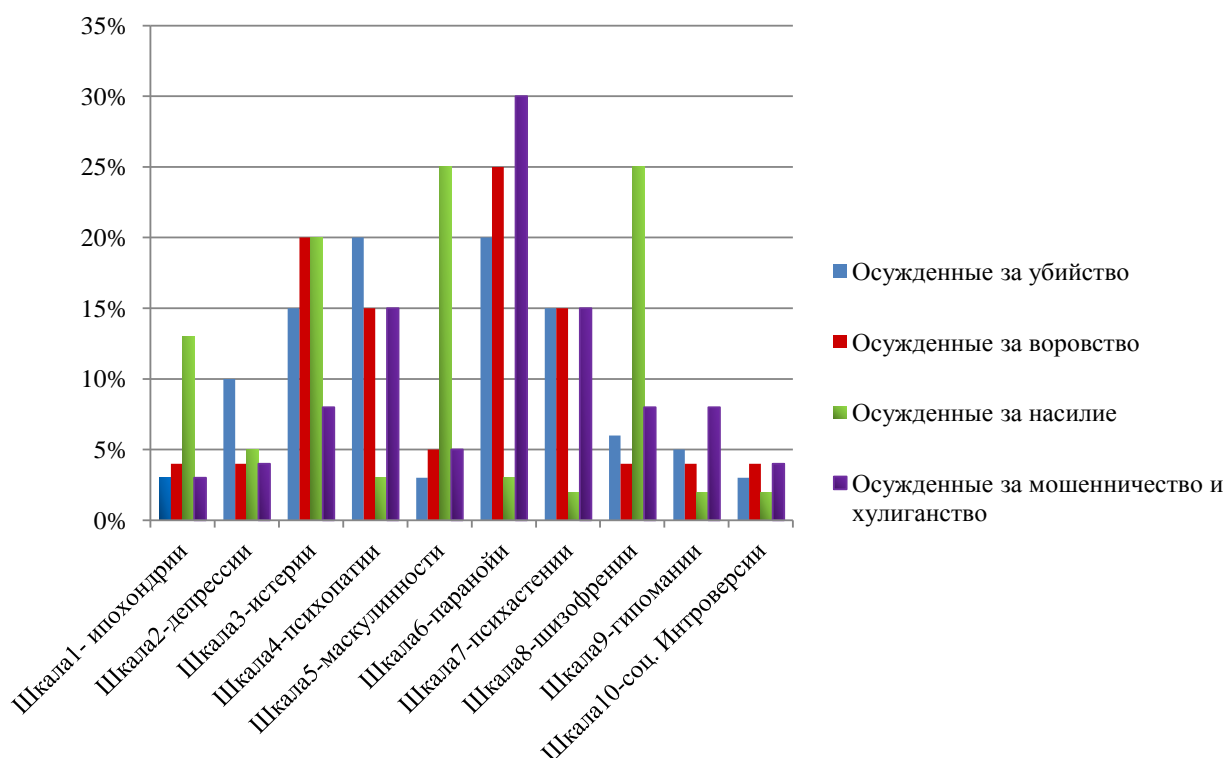

Рис. 2. Сравнительные данные по результатам ММРІ каждой группы испытуемых

Для статистического подтверждения полученных данных использовался корреляционный анализ (коэффициент Пирсона). Мы обнаружили связи между шкалами теста Г. Айзенка и теста ММРІ.

Шкала нейротизма (ЕРІ) коррелирует со шкалами психопатии ($,469(*)$) и шизофрении ($,448(*)$). Это может объясняться спецификой выборки. Как ранее уже упоминалось, именно люди с психопатией занимают чуть ли не основное место среди тех, кто склонны к насилию и криминалу. Практически у всех опрошенных испытуемых шкала нейротизма имела высокие результаты. Таким образом, чем больше у испытуемых проявляется нейротизм, тем более ярко выражено у них психопатическое или шизофреническое расстройство.

Шкала экстраверсии коррелирует со шкалой паранойи ($,606(**)$). Этим объясняется недоверие к окружающим, подозрительность, ревнивость, невозможность забывать и прощать обиды, воспринимать критику, что связано с формированием делинквентного поведения у испытуемых. Таким образом, повышенный уровень экстраверсии проявляется у испытуемых в агрессивном поведении по отношению к окружающим.

Также шкала экстраверсии имеет негативную корреляцию со шкалой шизофрении ($-,672(**)$). То есть, чем ниже уровень экстраверсии, тем более ярко выражены шизофренические склонности у испытуемых.

Таким образом, в процессе эмпирического исследования нами было установлено, что каждому типу преступления присущи разные проявления свойств темперамента преступников. Проведенное исследование позволило определить наличие у осужденных стойкой тенденции к проявлению делинквентного поведения, выяснить особенности свойств темперамента у каждого осужденного и их личностные характеристики.

Исследование помогло выявить связь между темпераментом преступника и особенностями правонарушений.

Выводы. На примере испытуемых, мы выяснили следующее.

1. Преступникам, совершившим убийство, в большей степени свойственны проявления экстраверсии, тенденции к холерическим свойствам темперамента и такие основные черты, как: импульсивность, агрессивность, возбудимость, раздражительность, отказ от усвоения нравственно-правовых норм.

2. Преступникам, осужденным за воровство, присущи в равной степени проявления холерических и сангвинических свойств темперамента, а также выражена экстраверсия. В наибольшей степени у данного типа преступников проявляются такие черты, как: эмоциональная незрелость, демонстративность, враждебность, повышенная агрессия, неспособность к рефлексии.

3. Осужденным за насилие свойственна выраженность интроверсии и тенденция к проявлению меланхолических свойств темперамента. От других типов преступников насильники отличаются проявлениями отчужденности, шизофренических и аутистических особенностей поведения, нарушением адаптации.

4. Осужденные за мошенничество и хулиганство, по полученным данным, сходны с преступниками, совершившими воровство.

5. Уровень нейротизма у 40% испытуемых высокий, у 20% выражена тенденция к проявлению нейротизма и у 40% наблюдается эмоциональная стабильность.

Перспектива исследования предполагает изучение психических механизмов субъектной самоорганизации личности преступника (Л.В. Алексеева и др. [1]) и более широкое статистическое подтверждение данных. А также проблему составляет организация работы пенитенциарного психолога по адаптации преступника.

Литература

1. *Алексеева Л.В.* Психологическая характеристика субъекта преступления: автореф. дис. ... докт. психол.х наук. 19.00.06 – Юридическая психология 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии. СПб., 2006. 40 с.
2. *Антоян Ю.М.* Личность преступника. М.: Наука, 2004. 185 с.
3. *Блекборн Р.* Психология криминального поведения: пер. с англ. СПб.: Питер, 2004. 225 с.
4. *Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б.* Пенитенциарная психология: учебник. Ростов-н/Д, 2007. 220 с.
5. *Дебольский М.Г., Кротова Д.Н.* Профилактика факторов риска пенитенциарной преступности // Психология и право. 2013. №3. С. 55–65.
6. *Дриль Д.А.* Преступность и преступники. СПб.: Выборг, 1895. – 134с.
7. *Еникеев М.И.* Юридическая психология: учебник. СПб.: Питер, 2004. 426 с.
8. *Жванков В.А.* Человек как носитель криминалистически значимой информации. М, 1993. 180 с.

-
9. *Ломброзо Ч.* Новейшие успехи науки о преступнике: пер.с англ. СПб.: Речь, 2002. 112 с.
 10. *Ломброзо Ч.* Преступный человек: пер. с итал. М.: Литература, 1988. 196 с.
 11. *Ломброзо Ч.* Криминально-психологический и социологический очерк: пер.с англ. СПб.: Выборг, 1895. 115 с.
 12. *Пастушеня А.Н.* Криминальная психология: учеб.-метод. пособие. Мн: Народна асвета, 2007. 265 с.
 13. *Печерский В.Г., Максименко Н.В., Иванов Д.Е.* Исследование личностных особенностей осужденных за насильственные и корыстные преступления // Экспериментальная психология под ред. В.А. Барабанщикова. 2010. С. 710–714.
 14. *Филановский И.Г.* Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. ЛГУ, 1970. 31 с.
 15. *Кокурин А.В., Кокурина И.В.* Характеристика осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в России // Психология и право. 2012. № 1. С. 48–56.

Литература

1. *Афанасьев Г.* «Контра» с портфелями [Электронный ресурс] http://genadiafanassjev.blogspot.ru/2011/06/blog-post_694.html (Дата обращения: 25.05.2015).
2. *Лойтер С.М.* Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора// Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов/ Сост. А.Ф. Белоусов. – М., 1998. – 744 с.
3. Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.) Справочник/ Сост. И.А. Мазус при участии Н. Мазус и Н.Н. Михалевой. – М.: «Гос. Музей ГУЛАГа», 2014. – 368 с.
4. *Яковенко Е.В., Нелидов А.Л., Щелин Т.Т.* Девиантное и делинквентное поведение детей и подростков. – Красноярск, 2012. – 232 с.
5. ГАРФ (Государственный архив РФ). М., 2006. (Министерство народного Просвещения РСФР), оп.69.
6. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ), оп.23.
7. ЦГАМ (Центральный государственный архив Москвы). Ф. П-634 (Московский Городской комитет ВЛКСМ), оп.1.

The relationship of the temperament of the subject of crime with the characteristics of offences

Dyakov S. *cand. psychological sciences, associate professor of psychology branch of Lomonosov Moscow state university in Sevastopol, Crimea, Russia (sd333@mail.ru)*

Shabliy I. *Bachelor of psychology, a branch of Lomonosov Moscow state university in Sevastopol, Crimea, Russia (ilonsy@mail.ru)*

The features of communication psychological characteristics of temperament types of crimes. The analysis of scientific views on the role of temperament in the predisposition of the individual to the crime. With the help of empirical study confirmed the hypothesis that the subjects who had committed certain type of crime have specific personal psychological characteristics that reveal the determinants of their offences. The personality questionnaires EPI and MMPI used methods of analysis of personal files of prisoners; observation of their behaviour and discussions with them; drawing up of psychological portraits. Also developed and used an original questionnaire. The results showed that among criminals-murderers is dominated by people with a tendency to choleric expression of properties of temperament, expressed the need for self-affirmation, affective behavior, impulsivity, and disregard for social demands. The perpetrators of the theft inherent in the assertion of his personality not only in the eyes of the environment, but above all in its own. The perpetrators of rape there is usually no clear idea of traditionally male and female traits in behaviour, the relationship between a man and a woman are limited to sexual function. Criminals convicted of fraud and hooliganism, unable to establish contact with others not able to take the point of view of another, there is a disregard for moral and ethical standards.

Keywords: temperament, subject of a crime, personality of criminal, delinquent behavior, prison psychology.

References

1. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtjarev A.V. K voprosu obosnovanija modeli professional'noj dejatel'nosti [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2012. №2. S. 1–14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (data obrashhenija: 12.09.2015).
2. Vasiljuk F.E. Psihologija perezhivaniya. M.: Izd-vo MGU, 1984. 200 s.
3. Volcheckaja T.S. Kriminalisticheskaja situologija: monografija / Pod red. prof. N.P. Jablokova. M.: Kaliningr. un-t; Kaliningrad, 1997. 248 s.
4. Volcheckaja T.S. Situacionnyj podhod v prakticheskoj i issledovatel'skoj kriminalisticheskoy dejatel'nosti: ucheb. Posobie. Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1999. 73 s.

-
5. Grishina N.V. Psihologija konflikta. 2-e izd. SPb.: Piter, 2008. 538 s.
 6. Kudrjavcev V.N. Juridicheskaia konfliktologija. M.: Nauka, 2000. 501 s.
 7. Obshhaja psihologija / Pod red. M.V. Gamezo. M.: Os'-89, 2007. 352 s.
 8. Prikladnaja juridicheskaia psihologija / Pod red. A.M. Stoljarenko M.: Juniti, 2001. 639 s.
 9. Prusakov A.D. Dejstvie i bezdejstvie kak formy juridicheski znachimogo povedenija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2008. 32 s.
 10. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugolovnom processe. M.: Gardarika, Smysl, 1998. 192 s.
 11. Sele G. Stress bez distressa. M.: Progress, 1979. 128 s.
 12. Shipunov I.V. Juridicheskaia situacija kak obshheteoreticheskaja kategorija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2009. 24 s.

Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ГОУ ВПО МГППУ, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Докучаева Н.В., выпускница кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (natalya.dokuchaeva@gmail.com)

Статья посвящена изучению особенностей личности жертв противоправных посягательств в Интернете. Использовались методы: 16-факторный личностный опросник Кэттелла, тест-опросник «Уровень субъективного контроля», опросник «Индекс жизненного стиля», опросник Басса-Перри, шкала тревожности Спилбергера, опросник COPE. Исследовано 78 Интернет-пользователей, разделенных на две группы по 38 человек: основная – люди, против которых совершались противоправные посягательства в Интернете, контрольная – против которых таких посягательств не совершалось. Выявлен специфический симптомокомплекс индивидуально-психологических особенностей жертв противоправных посягательств в Интернете. Показано, что жертвы «ненасильственных» и «насильственных» правонарушений отличаются уровнем ситуативной и личностной тревожности, агрессивности и локуса контроля.

Ключевые слова: виктимность, жертвы Интернет-посягательств, киберпреступления.

Для цитаты:

Волкова И.В. Принципы организации практики в условиях сетевого взаимодействия (на примере разработки модуля «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии») [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 4. С. .
doi: 10.17759/psylaw.2015050401

For citation:

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Chernushevich V.A. The problem of a psychological definition of "Legally relevant situations" [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp. .
doi: 10.17759/psylaw.2015050401

Введение

Бурное развитие компьютерных технологий и все большее их внедрение во все сферы жизни способствует росту киберпреступлений, а недостаточная разработанность действующего уголовного законодательства РФ приводит к высокому показателю латентности (более 90%) данных видов преступлений [3, с. 109–112].

В России уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации регламентирована главой 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», в которую входят только три статьи: ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» [5]. Для сравнения, законодательство Франции содержит около 20 статей.

На X Конгрессе ООН по проблемам киберпреступлений были даны два определения данного правонарушения [13, с. 17]: в узком смысле оно понимается как преступление, в котором компьютерная система или сеть является *целью*, а в широком – не только целью, но и *средством* или *орудием*.

Т.Л. Тропина [4] определяет киберпреступление как «виновно совершенное общественно опасное уголовно наказуемое вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные деяния, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей, программ и иных устройств доступа к моделируемому информационному пространству».

Д.Л. Шиндер разделяет киберпреступления на две большие категории: 1) насильственные или иные потенциально опасные, 2) ненасильственные преступления [13, с. 15, 19–33].

К насильственным и иным потенциально опасным преступлениям относятся те, которые несут физическую угрозу человеку или группе. В эту категорию входят:

- кибертерроризм – т. е. терроризм, не только спланированный, но и совершенный в Интернет-пространстве;
- угроза физической расправы – держание людей в постоянном страхе за собственную жизнь и безопасность близких людей, осуществляемое в Интернет-сети (например, при помощи электронной почты);
- киберпреследование – сетевое преследование, сопряженное с физическими угрозами, и иногда перетекающее в преследование в реальной жизни;
- детская порнография – создание, распространение и получение доступа к порнографическим электронным материалам.

К ненасильственным киберпреступлениям, по мнению Д.Л. Шиндер, относятся:

- противоправное нарушение владения в киберпространстве – неправомерный доступ к личной информации физических и юридических лиц;
- киберворовство – возможность украсть на расстоянии. К этому пункту автор относит: растрату, присвоение и незаконное ассигнование денежных средств или имущества, промышленный шпионаж, плагиат, пиратство, хищение или изменение персональных данных;

-
- кибермошенничество – получение материальных благ путем обмана и ввода в заблуждение;
 - разрушение – т. е. повреждение данных, включающее: взлом и удаление данных, серверов, Web-страниц; внедрение вредоносного программного обеспечения, осуществление DoS-атак;
 - другие киберпреступления – реклама секс-услуг, азартные игры, отмывание денег, распространение наркотиков, контрабанда товаров и пр.

Исследований проблемы киберпреступлений и их жертв на сегодняшний день еще немного, при этом она поднимается в основном в зарубежных работах. В них выявлены некоторые особенности личности и способы поведения потерпевших в стрессовой ситуации.

В исследованиях Т. Arıcak с соавт. [7], R. Slonjeand, P.K. Smith [14], E. Sticca с соавт. [17] было обнаружено, что в случае киберпреследования обращается за поддержкой к родителям или друзьям небольшое количество молодежи. J.W. Patchin, S. Hinduja [12]; F. Dehue, C. Bolmanand T. Vollink [8] показали, что около 25% жертв игнорируют киберпреследование.

R.S. Tokunaga [18] в теоретическом обзоре современных исследований по киберпреследованиям предположил, что игнорирование может быть очень эффективной стратегией совладающего поведения при разовом посягательстве, но при увеличении частоты эпизодов более эффективной стратегией являются активные действия.

В исследовании R. Ortega с соавт. [11], проведенном среди испанских подростков, обнаружено, что наиболее распространенной эмоциональной реакцией жертв является гнев, а психологическими последствиями киберзапугивания – стресс, депрессия и чувство одиночества. Аналогичные результаты были получены на финской [15], австралийской [16], южнокорейской [10], североамериканской [9] выборках.

В работе D.C. Campfield [6] было показано, что жертвы киберпреследования испытывают эмоционально-поведенческие проблемы. Большая часть испытуемых характеризуются повышенной агрессивностью, высокой тревожностью и заниженной самооценкой.

Результаты российских исследований имеют схожие показатели. В работе С.А. Зинцовой [1] выявлено, что подростки, ставшие жертвами кибербуллинга, отличаются высоким уровнем тревожности; высоким уровнем фрустрации, сопровождающейся негативными эмоциями; высоким и средним уровнем ригидности, влияющей на адаптацию учеников.

Л.А. Киселевой [2] были выделены два основных типа виктимного поведения, присущего жертвам Интернет-мошенничества. Первым типом является активное поведение, провоцирующее преступление своими действиями – просьбой или обращением. Вторым – агрессивное поведение, провоцирующее преступное действие оскорблениями, клеветой, издевательствами и т. п.

Цель работы

Исследование особенностей личности жертв противоправных посягательств в Интернете.

Гипотеза

Жертвы противоправных посягательств в Интернете обладают специфическим личностным симптомокомплексом.

1. Жертвы противоправных посягательств в Интернете обладают личностными особенностями, проявляющимися в виде повышенной тревожности, сочетающейся с внутренней напряженностью и высокой агрессивностью.

2. Жертвы противоправных посягательств в Интернете в стрессовых ситуациях не вытесняют свои переживания, а фокусируются на них и ищут поддержку у близких людей.

Выборка

В исследовании приняли участие 76 пользователей социальной сети «ВКонтакте» в возрасте от 18 до 32 лет. Основная группа (38 человек, 17 мужчин и 21 женщина, возраст $21,7 \pm 3,9$) – люди, против которых совершались противоправные посягательства в Интернете; контрольная группа (38 человек, 18 мужчин и 20 женщин, возраст $21,4 \pm 3,7$) – против которых таких посягательств не совершалось.

Методы исследования

- 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кэттелла (форма С),
- тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (В.Ф.Бажин, Е.А.Голынкина, А.М.Эткинд),
- опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика (в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой и др.),
- опросник уровня агрессивности Басса–Перри (в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского и др.),
- Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина),
- опросник копинг-стратегий СОРЕ (в адаптации П.А. Иванова, Н.Г. Гаранян).

Факт совершения противоправных посягательств выяснялся по специально разработанной анкете

Результаты и обсуждение

Этап 1

В результате опроса с помощью анкеты было выявлено, что 19 пользователей были жертвами противоправных посягательств, как в реальном, так и в виртуальном мире, 16 пользователей стали жертвами противоправных посягательств только в реальном мире. Приблизительно одинаковое распределение жертв традиционных преступлений между группами позволяет исключить влияние их особенностей на общие результаты.

Опрос позволил также определить, в результате каких противоправных действий пользователи стали жертвами (табл.1).

Таблица 1

Частота встречаемости видов противоправных посягательств

Виды противоправных посягательств	Частота
Киберпреследование, кибербуллинг	10
Угрозы физической расправы	6
Кибермошенничество	17
Взлом паролей, удаление, хищение или распространение личных данных с почты или из	27

социальных сетей	
Вымогательство	4
Оскорбление	12

Для выявления личностных особенностей жертв было проведено сравнение исследовательской и контрольной групп с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни для двух несвязанных выборок. В результате обнаружены значимые различия по нескольким параметрам: в «16-факторный личностном опроснике» по шкалам «тревожность/спокойствие» и «внутренняя напряженность/расслабленность» и в опроснике «Уровень агрессивности Басса-Перри» по шкале «гнев» (табл. 2).

Таблица 2

Характеристики по шкалам «тревожность», «внутренняя напряженность» и «гнев»

Шкалы	Контрольная группа (n=38)		Исследовательская группа (n=38)		Критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Тревожность/спокойствие	6,3	2,4	7,6	2,4	502,0*
Внутренняя напряженность/расслабленность	4,6	1,7	5,7	2,1	510,0*
Гнев	19,5	7,0	22,5	6,1	544,0*

Примечание: «*» – различия между группами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее отклонение; SD – стандартное отклонение.

Сравнительный анализ копинг-поведения и защитных механизмов позволил выявить значимые различия по таким формам копинг-стратегий, как «использование эмоциональной социальной поддержки», «фокусировка на эмоциях и их вентилирование», «самоограничение», и защитных механизмов в виде «вытеснения» и «проекции» (табл. 3).

Таблица 3

Характеристики копинг-стратегий и защитных механизмов

Шкалы	Контрольная группа (n=38)		Исследовательская группа (n=38)		Критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Использование эмоциональной социальной поддержки	6,7	3,3	7,6	2,9	508,0*
Фокусировка на эмоциях и их вентилирование	3,0	2,9	6,5	4,9	501,5*
Самоограничение	4,6	1,7	5,7	2,1	510,0*

Вытеснение	4,9	2,7	3,7	1,9	920,5*
Проекция	7,2	3,3	8,7	2,7	531,5*

Примечание: «*» – различия между группами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее; SD – стандартное отклонение.

Сравнительный анализ показывает, что жертвам противоправных посягательств в Интернете свойственны склонность к самоупрекам, неуверенность, замкнутость, принижение своих способностей. Высокие показатели по шкале «внутренняя напряженность/расслабленность» свидетельствуют о том, что жертвам киберправонарушений свойственны напряженность, неудовлетворенность в стремлениях, неусидчивость, усталость, пониженное настроение, раздражительность и эмоциональная неустойчивость.

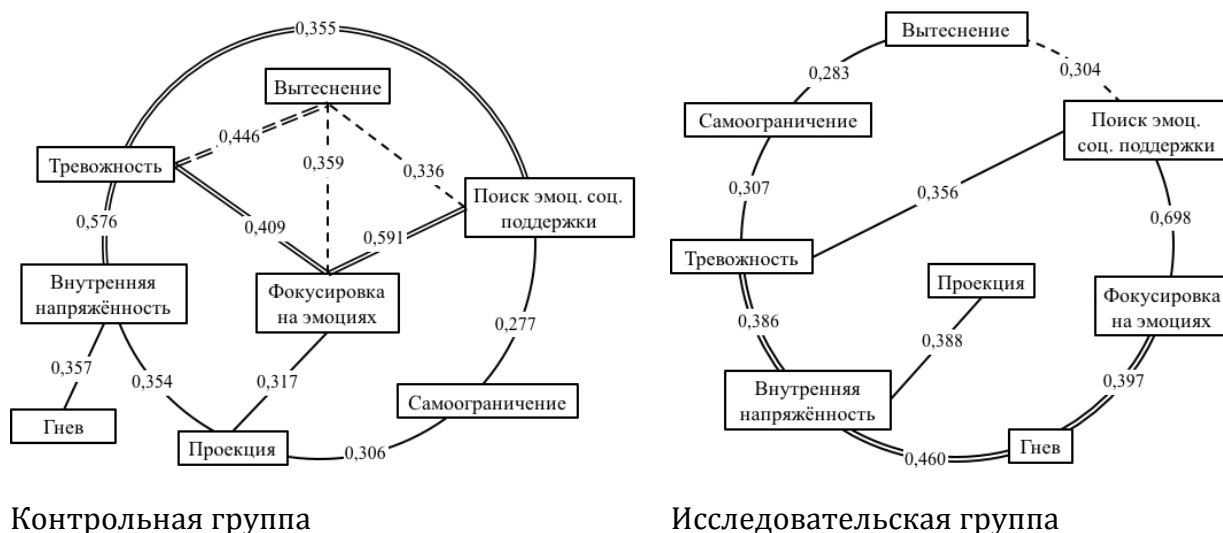
Для испытуемых контрольной группы характерен широкий диапазон индивидуально-психологических особенностей: от доверчивости, безмятежности, спокойного настроения, расслабленности, уравновешенности до тревожности, обеспокоенности, замкнутости, возбудимости и напряженности.

По показателю эмоционального компонента агрессии выявлено, что испытуемым контрольной группы свойственно реже проявлять свои негативные чувства, в отличие от основной группы, в которой испытуемые чаще раздражаются при малейшем поводе.

В стрессовых ситуациях испытуемые в контрольной группе значимо редко фокусируются на своих эмоциях и переживаниях, и самоограничивают себя. Испытуемые исследовательской группы, наоборот, достоверно чаще пользуются такими копинг-стратегиями, как «фокусировка на эмоциях и их вентилирование», «поиск эмоциональной социальной поддержки» и «самоограничение». Иными словами, в стрессовых ситуациях жертвы противоправных посягательств чаще ищут утешение, сопереживание и понимание у окружающих, или, осознавая свои негативные эмоции, фокусируются на них и воздерживаются от активных действий.

В тяжелых психотравмирующих ситуациях контрольная группа может проецировать или вытеснять свои желания, мысли и чувства. В основной группе испытуемые гораздо реже вытесняют неприемлемые чувства, мысли, переживания, но достаточно часто приписывают их другим людям.

Для анализа внутригруппового взаимодействия выявленных различий использовался метод корреляционных плед (рис. 1).

Положительные корреляции	Отрицательные корреляции
————— p<0,05	----- p<0,05
===== p<0,01	===== p<0,01

Рис. 1. Корреляционная плеяда значимых различий в группах:

p – уровень значимости

При корреляционном анализе у жертв противоправных посягательств в Интернете обнаруживаются прямые связи между личностной тревожностью, напряженностью и гневом, т. е. они могут характеризоваться как беспокойные, неуверенные в себе, подверженные настроению, неусидчивые, с неустойчивым настроением и гневливостью. В стрессовых ситуациях фокусируются на гневе и для того, чтобы снять эмоциональное напряжение ищут понимание, сопереживание в социальной среде. Также в связи с повышенной личностной тревожностью и внутренней напряженностью жертвы в тяжелых жизненных ситуациях могут осознано самоограничивать себя, воздерживаться от активных попыток совладать со стрессом или предписывать другим людям бессознательно неприемлемые для личности переживания, чувства. Обратная зависимость между защитным механизмом «вытеснение» и копинг-стратегией «поиск эмоциональной социальной поддержки» свидетельствует о том, что желания, чувства, переживания, повышающие тревогу, у них не вытесняются, а переживаются с помощью социальной поддержки.

Результаты свидетельствуют о том, что у испытуемых основной группы присутствует специфический симптомокомплекс, в который входят определенные черты личности и способы совладания в психотравмирующих ситуациях.

Этап 2

Дальнейшее исследование с помощью кластерного анализа позволило разделить группу жертв противоправных посягательств в Интернете на две подгруппы.

В первую подгруппу вошли 23 испытуемых (13 женщин и 10 мужчин), во вторую – 15 испытуемых (8 женщин и 7 мужчин). Средний возраст в первой и второй подгруппах равен 21,5 году.

В каждой подгруппе была подсчитана частота встречаемости того или иного противоправного посягательства, совершенного в Интернете (табл. 4).

Таблица 4

Частота встречаемости видов противоправных посягательств в Интернете в подгруппах

Виды противоправных посягательств в Интернете	Частота встречаемости	
	1-ая подгруппа (n=23), ед.	2-ая подгруппа (n=15), ед.
Киберпреследование, кибербуллинг	1	9
Угрозы физической расправы	1	5
Кибермошенничество	10	7
Взлом аккаунтов, удаление, хищение или распространение личных данных с почты или из социальных сетей	17	10

Вымогательство	2	2
Оскорбление	5	7
<i>Итого:</i>	36	40
<i>Критерий χ^2 Пирсона</i>	8,21**	

Примечание: «**» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,01$).

При расчете на количество испытуемых в подгруппе обнаруживается, что в первой подгруппе на одного человека в среднем приходится одно–два противоправных посягательства, а во второй подгруппе – два–три. Различаются и виды противоправных посягательств: в первой подгруппе больше «ненасильственных» (кража информации, взлом аккаунтов, мошенничество), а во второй – «насильственных» (преследование, угрозы, буллинг, вымогательство, оскорбление) киберпреступлений.

При сравнении показателей с помощью критерия U Манна–Уитни обнаружены значимые различия по методикам «Уровень субъективного контроля», «Уровень реактивной и личностной тревожности» и опроснику Басса–Перри.

При сравнении испытуемых в исследовательской группе по уровню субъективного контроля выявлены значимые различия во всех шкалах, кроме шкалы «интернальность в производственных отношениях» (табл. 5).

Таблица 5

Показатели по методике УСК в подгруппах

Шкалы опросника УСК	Подгруппа 1 (n=23)		Подгруппа 2 (n=15)		U-критерий Манна–Уитни
	M	SD	M	SD	
Общая интернальность	37,1	4,1	12,5	11,2	0,5***
Интернальность в области достижений	10,0	5,5	-0,07	6,3	38,0***
Интернальность в области неудач	9,4	5,5	0,3	4,1	26,0***
Интернальность в семейных отношениях	7,4	4,9	-3,3	5,7	23,0***
Интернальность в производственных отношениях	4,3	5,8	1,9	5,1	142,0
Интернальность в межличностных отношениях	5,4	3,2	0,7	3,2	49,0***
Интернальность в отношении здоровья и болезни	3,9	2,7	0,7	3,2	77,5**

Примечание: «***» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,001$); «**» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,01$); M – среднее; SD – стандартное отклонение.

Первая подгруппа отличается высокими показателями почти по всем шкалам, т. е. испытуемые относятся к интернальному типу, в отличие от второй подгруппы, в которой наблюдаются более низкие показатели, испытуемые относятся к экстернальному типу.

При сравнении подгрупп по уровню тревожности по методике Спилбергера–Ханина также наблюдаются значимые различия (табл. 6).

Таблица 6

Характеристик по ситуативной и личностной тревожности

Тревожность	1-ая подгруппа (n=23)		2-ая подгруппа (n=15)		U-критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Ситуативная тревожность	35,6	8,4	48,1	12,4	276,0***
Личностная тревожность	46,1	7,4	51,7	7,0	244,0*

Примечание: «***» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,001$);

«*» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее; SD – стандартное отклонение.

Вторая подгруппа отличается более высокой личностной и ситуативной тревожностью по сравнению с первой, которая менее тревожна.

Сравнение подгрупп по агрессивности показало значимые различия по следующим шкалам (табл. 7).

Таблица 7

Характеристики агрессии в подгруппах

Агрессия	1-ая подгруппа (n=23)		2-ая подгруппа (n=15)		U-критерий Манна-Уитни
	М	SD	М	SD	
Враждебность	19,7	5,7	7,1 ²	6,3	282,0***
Гнев	21,1	6,3	4,5 ²	5,3	245,0*
Физическая агрессия	21,9	6,8	7,4 ²	8,6	239,5*

Примечание: «***» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,001$);

«*» – различия между подгруппами статистически достоверны ($p < 0,05$); М – среднее; SD – стандартное отклонение,

Вторая подгруппа оказалась более склонной к агрессивному поведению: все компоненты агрессии (инструментальный, агрессивный и аффективный) в ней явно выражены, тогда как в первой эти признаки выражены на среднем уровне.

Таким образом, жертвы «ненасильственного» типа киберпреступлений (первая подгруппа) менее тревожны, чем жертвы «насильственного» типа киберпреступлений (вторая подгруппа). Они относятся к интернальному типу, считают себя причиной происходящих с ними событий и отношений, сложившихся с другими людьми, чувствуют ответственность за свои достижения и неудачи, в то время как испытуемые второй подгруппы более экстернальны и причины всех событий своей жизни они в большей мере склонны приписывать другим людям или обстоятельствам. Средний уровень агрессии испытуемых первой подгруппы показывает тенденцию к переживанию чувства несправедливости, готовности к проявлению негативных чувств и некоторую склонность к использованию физической силы, у испытуемых же второй подгруппы выражена склонность к агрессии во всех ее компонентах.

Выводы

1. Жертвы противоправных посягательств в Интернете имеют специфический симптомокомплекс индивидуально-психологических особенностей, включающий беспокойство, неуверенность в себе, подверженность настроению, неусидчивость, неустойчивость настроения, гневливость, и определенные способы совладания и психологические защиты в психотравмирующих ситуациях: поиск эмоциональной социальной поддержки, фокусировку на эмоциях, самоограничение и проекцию.

2. Внутри группы жертв противоправных посягательств в Интернете выделяются жертвы «ненасильственных» и «насильственных» преступлений, отличающиеся уровнем ситуативной и личностной тревожности, агрессивности и характером локуса контроля. Жертвы «насильственных» противоправных посягательств в Интернете более агрессивны, тревожны и относятся к экстернальному типу, в отличие от группы жертв «ненасильственного» типа, которые имеют более низкие показатели по агрессивности, тревожности и относятся к интернальному типу.

Литература

1. *Зинцова А.С.* Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3(35). С. 122–128.
2. *Киселева Л.А.* Типы виктимного поведения жертв информационных мошенников [Электронный ресурс] // Конференция «Психология XXI века: интеграция науки, образования, бизнеса»: тезисы. Ставрополь, 2014. URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/kiseleva_la.pdf (дата обращения: 23.03.2015).
3. *Старичков М.В.* Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2006. 173 с.
4. *Тропина Т.Л.* Понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: монография / отв. ред. А.А. Номоконов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 240 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, КноРус, 2012. 224 с.
6. *Campfield D.C.* Cyber Bullying and Victimization: Psychosocial Characteristics of Bullies, Victims, and Bully/Victims: presented in partial fulfillment of the requirements for the

-
- degree of Doctor of Philosophy in Psychology, Clinical / D.C. Campfield. Missoula, 2008. 171 p.
7. Cyberbullying among Turkish adolescents. / T. Aricak, S. Siyahhan, A. Uzunhasanoglu, S. Saribeyoglu, S. Ciplak, N. Yilmaz, C. Memmedov // *Cyberpsychology and Behavior*. Belgium: University of Antwerp. 2009. Vol. 11(8) P. 1-23.
 8. Cyberbullying among Turkish adolescents / T. Aricak, S. Siyahhan, A. Uzunhasanoglu, S. Saribeyoglu, S. Ciplak, N. Yilmaz, and C. Memmedov // *Cyberpsychology and Behavior*. Belgium: University of Antwerp. 2009. Vol. 11(8) P. 1–23.
 9. *Juvonen J.* Extending the School Grounds? Bullying Experiences in Cyberspace / J. Juvonen, E. Gross // *Journal of School Health*. 2008. Vol. 78(9). P. 496–505.
 10. *Kim Y.* School Bullying and Suicidal Risk among Korean Middle School Students / Y. Kim, Y. Koh, B. Leventhal // *Pediatrics: The Official Journal of the American Academy of Pediatrics*. 2005. Vol. 115(2). P. 357–363.
 11. *Ortega R.* The emotional impact on victims of traditional bullying and cyberbullying a study of Spanish adolescents / R. Ortega, P. Elipe, J. Mora-Merchan, J. Calmaestra, E. Vega // *Journal of Psychology*. 2009. Vol. 217(4). P. 197–204.
 12. *Patchin J.W.* Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying / J.W. Patchin, S. Hinduja // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2006. Vol. 4. P. 148–169.
 13. *Shinder D.L.* Scene of the Cybercrime: Computer Forensics Handbook / D.L. Shinder; Ed Tittel (Editor). Rockland, MA: Syngress Publishing, 2002. 718 c.
 14. *Slonje R.* Cyberbullying: Another main type of bullying? / Slonje R., Smith P.K. // *Scandinavian Journal of Psychology*. New Cross:Goldsmiths College. 2008. Vol. 49. P. 147–154.
 15. *Sourander A.* Psychosocial Risk Factors Associated With Cyberbullying Among Adolescents / A. Sourander, A. Klomek, M. Ikonen, J. Lindroos, T. Luntamo, M. Koskelainen, T. Ristkari, J. Helenius // *ARCH General Psychiatry American Medical Association*. 2010. Vol. 67(7). P. 720–728.
 16. *Spear B.* Behind the Scenes and Screens Insight Into the Human Dimension of Covert and Cyberbullying / B. Spear, P. Slee, L. Owens, B. Johnson // *Journal of Psychology*. 2009. Vol. 217(4). P. 189–196.
 17. *Sticca E.* Longitudinal risk factors for cyberbullying in adolescence / E. Sticca, S. Ruggieri, E.D. Alsaker, S. Perren // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 23. P. 52–67.

-
18. *Tokunaga R.S.* Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization // *Computers in Human Behavior*. 2010. Vol. 26. P. 277-287.

Литература

1. *Афанасьев Г.* «Контра» с портфелями [Электронный ресурс] http://genadiafanassjev.blogspot.ru/2011/06/blog-post_694.html (Дата обращения: 25.05.2015).
2. *Лойтер С.М.* Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора// Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов/ Сост. А.Ф. Белоусов. – М., 1998. – 744 с.
3. Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.) Справочник/ Сост. И.А. Мазус при участии Н. Мазус и Н.Н. Михалевой. – М.: «Гос. Музей ГУЛАГа», 2014. – 368 с.
4. *Яковенко Е.В., Нелидов А.Л., Щелин Т.Т.* Девиантное и делинквентное поведение детей и подростков. – Красноярск, 2012. – 232 с.
5. ГАРФ (Государственный архив РФ). М., 2006. (Министерство народного Просвещения РСФР), оп.69.
6. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ), оп.23.
7. ЦГАМ (Центральный государственный архив Москвы). Ф. П-634 (Московский Городской комитет ВЛКСМ), оп.1.

Personality characteristics of victims of unlawful attacks on the Internet

Safuanov F.S., *Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

Dokuchaev N. In., *A graduate of the Department of legal psychology and law, faculty of legal psychology, Moscow city psychological-pedagogical University (natalya.dokuchaeva@gmail.com)*

The article is devoted to the study of personality traits of victims of unlawful infringements on the Internet. Methods were used: the 16-factor personality questionnaire Cattell, the test-questionnaire "the Level of subjective control", questionnaire "life style Index" questionnaire buss-Perry scale of anxiety Spielberg, the COPE questionnaire. Studied 78 of Internet users, divided into two groups of 38 people: the main people against whom was committed an unlawful attempt on the Internet, the control against which such encroachments do not occur. The specific symptom complex of individual psychological characteristics of victims of unlawful infringements on the Internet. It is shown that victims of "non-violent" and "violent" offences differ in the level of situational and personal anxiety, aggressiveness, and locus of control.

Keywords: victimization, victims of Internet abuse, cyber crimes.

References

1. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtjarev A.V. K voprosu obosnovanija modeli professional'noj dejatel'nosti [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2012. №2. S. 1–14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (data obrashhenija: 12.09.2015).
2. Vasiljuk F.E. Psihologija perezhivaniya. M.: Izd-vo MGU, 1984. 200 s.
3. Volcheckaja T.S. Kriminalisticheskaja situologija: monografija / Pod red. prof. N.P. Jablokova. M.: Kaliningr. un-t; Kaliningrad, 1997. 248 s.
4. Volcheckaja T.S. Situacionnyj podhod v prakticheskoj i issledovatel'skoj kriminalisticheskoy dejatel'nosti: ucheb. Posobie. Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1999. 73 s.
5. Grishina N.V. Psihologija konflikta. 2-e izd. SPb.: Piter, 2008. 538 s.
6. Kudrjavcev V.N. Juridicheskaja konfliktologija. M.: Nauka, 2000. 501 s.
7. Obshhaja psihologija / Pod red. M.V. Gamezo. M.: Os'-89, 2007. 352 s.

-
8. Prikladnaja juridicheskaja psihologija / Pod red. A.M. Stoljarenko M.: Juniti, 2001. 639 s.
 9. Prusakov A.D. Dejstvie i bezdejstvie kak formy juridicheski znachimogo povedenija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2008. 32 s.
 10. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugovnom processe. M.: Gardarika, Smysl, 1998. 192 s.
 11. Sele G. Stress bez distressa. M.: Progress, 1979. 128 s.
 12. Shipunov I.V. Juridicheskaja situacija kak obshheteoreticheskaja kategorija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2009. 24 s.

Интегрированная природа метода психологического портретирования в правоохранительной деятельности

Шпагина Е.М., кандидат психологических наук, начальник кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя (shpaginaelena@yandex.ru)

Статья выявляет особенности использования метода психологического портретирования в правоохранительной деятельности, показывает сложившуюся практику использования психологических знаний при раскрытии преступлений, раскрывает интеграционную связь других наук с психологией при использовании метода психологического портретирования в раскрытии преступлений. В статье представлен комплексный подход к составлению психологического портрета неизвестного преступника. Психологическое портретирование неизвестного преступника рассматривается как форма аналитической деятельности при раскрытии преступлений, в процессе которой интегрируются сведения и знания, полученные из различных наук, таких как криминалистика, криминология, оперативно-розыскная деятельность, психиатрия, сексология, виктимология и др. Психологическая наука (сведения из её различных отраслей) является основополагающим звеном, помогающим объяснить, интерпретировать и описать модель поведения преступника и жертвы для решения задач правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: метод психологического портретирования, психологический анализ преступной деятельности, аналитическая работа в правоохранительной деятельности, профайлинг.

Для цитаты:

Волкова И.В. Принципы организации практики в условиях сетевого взаимодействия (на примере разработки модуля «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии») [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 4. С. .
doi: 10.17759/psylaw.2015050401

For citation:

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Chernushevich V.A. The problem of a psychological definition of "Legally relevant situations" [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015(5), no. 3. pp. doi: 10.17759/psylaw.2015050401

В традиционном понимании психологическое портретирование понимают как некое описание психологических свойств и качеств определенной личности. Психологическое портретирование используют в политике при описании политических и исторических деятелей в контексте их деятельности и влияния на историю события в мире (Ракитянский Н.М.); истории науки и искусств при описании развития таланта выдающихся личностей (Кузнецова У.Я., Моисеева И.Ю.); психологии, психиатрии, медицине при описании истории клиента или пациента (Сугоняко Е.А., Сучкова Е.Л.), управлении при описании личности руководителя (Марченко В.В.). Во всех случаях, психологическое портретирование основано на анализе, обобщении и интерпретации во времени (прошлом, настоящем и будущем) фактов и жизненных событий, продуктов деятельности и поступков людей и их окружения, описании их внешности (от мимики и жестов до манеры одеваться).

Психологическое портретирование в правоохранительной деятельности рассматривают одновременно как метод и результат познания криминального события, ориентированный на выявление признаков субъекта преступления, проявившихся в совокупности обстоятельств и его следов [1]. Автор рассматривает психологическое портретирование в правоохранительной деятельности как вид аналитической работы, направленный на получение новых знаний об объекте исследования (физическом лице или группы лиц) на основе имеющихся данных, полученных в ходе выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений. Психологическое портретирование включает в себя идентификационную, диагностическую и прогностическую функции.

Следует выделить основные направления деятельности правоохранительных органов, в которых используется метод психологического портретирования.

По сложившейся практике, область, где используется психологическое портретирование – это раскрытие и расследование серийных и безмотивных преступлений, где преступник не известен и обычно используемые методы раскрытия и расследования преступлений не дали своих результатов (это серийные убийства на сексуальной, религиозной почве, а также убийства по найму). Эти преступления случаются редко, однако имеют широкий общественный резонанс и требуют особого, неординарного подхода к поиску и поимке преступника. Психологическое портретирование в данном является сложным наукоемким методом, требующем специальных познаний в различных областях и сродни научному исследованию. В западной литературе специалиста, составляющего такой психологический портрет (профиль) называют профайлером.

Другая область, которая в последние годы набирает обороты, – это составление психологического портрета террориста (или группы террористов), захватившего заложника. Составление портрета происходит в так называемом режиме он-лайн. Специалист, на основе наблюдения за действиями объекта исследования (преступника и его окружения), а также других имеющихся сведений, полученных в ходе оперативного информационно-аналитического обеспечения, составляет описание личности, её сильных и слабых сторон, ищет уязвимости, на которых можно было бы построить тактику переговоров. Кроме того, делается прогноз о поведении преступника и заложников во времени. Полученные диагностические и прогностические описания учитываются при планировании хода операции по обезвреживанию преступников и освобождению

заложенников. Особое значение этому виду психологического портретирования придают в сфере обеспечения безопасности на транспорте. В литературе его также часто называют профайлингом.

Третье направление связано с возрастающей психологической культурой оперативных работников и следователей. Они составляют психологический портрет лиц, с которыми встречаются в процессе работы во время раскрытия и расследования преступлений, в целях выработки тактики и стратегии взаимодействия и построения эффективного общения. Этими лицами могут быть подозреваемые и члены их семей, свидетели, очевидцы. Источником информации для анализа могут быть сведения, полученные в процессе наблюдения за объектом, изучения материалов социально-демографического характера, продуктов деятельности, а также со слов других опрошенных. Владение техникой психологического портретирования требует от сотрудников психологических знаний, которые они получают в настоящее время в учебных заведениях образовательной системы МВД России, а также в процессе взаимодействия с людьми в профессиональной деятельности.

При внимательном изучении метода психологического портретирования приходится признать, что собственно «психологического» в нем не так уж и много. Психологические знания, скорее всего, являются связующим звеном различных сведений, информации о событии преступления, которые на протяжении многих лет получают в различных областях науки и практики, таких как: криминалистика, криминология, виктимология, психиатрия, сексология, судебная медицина, и оперативно-розыскная деятельность др. Психологические знания ложатся в основу интерпретации событий преступления: происшедших, происходящих в настоящее время и помогают создавать прогноз на будущее.

Метод психологического портретирования имеет интеграционную природу. Интеграция (лат. *integratio* - восстановление, восполнение, от *integer* - целый): 1) понятие, означающее состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма в целом, а также процесс, ведущий к такому состоянию; 2) процесс сближения и связи наук, происходящий наряду с процессами их дифференциации.

Рассмотрим подробнее области знаний, которые используются при составлении психологического портрета неизвестного преступника для того, чтобы показать интегративную сущность данного вида аналитической работы при раскрытии и расследовании преступлений.

Основой, базой для составления психологического портрета неизвестного преступника, безусловно, является криминалистика. В современной науке существует такой термин, как криминалистическая психология. Наиболее известные ученые в этой области – это А.И. Анфиногенов, С.Н. Богомолова, Л.Г. Видонов, Г.А. Густов, Образцов В.А. и др. Как известно, криминалистика – это наука о следах. Криминалистическая составляющая психологического портретирования заключается в том, что все оставленное (и также взятое с собой) преступником на месте преступления, в том числе и жертву, характер манипуляций с ней, выбор места и времени преступления, все в совокупности, является отражением, или «зеркалом» неизвестного преступника, вероятностный портрет которого, составляет специалист-профайлер. Здесь следует упомянуть психологическую теорию деятельности, значение которой выражается в том, что личность проявляет себя и отражается в деятельности, в том числе и поступках.

Криминология изучает преступников и преступления. Иными словами, когда мы говорим о криминологической составляющей, мы имеем в виду уже известные раскрытые преступления, где есть осужденный преступник, известны сведения о жертве и факты

механизма совершения преступления. Чаще всего – это обобщенные и проанализированные результаты уголовных дел. Такой подход ложится в основу разработки типологии преступников. Следует оговориться, что не во всех случаях преступник известен. Статистический подход при объединении материалов уголовных дел в одно, используется при исследовании серийных преступлений, где прослеживается, так называемый «почерк» или «modus operandi» преступника. Наиболее интересны в этой области работы таких авторов, как В.А. Образцов, С.Н. Богомолова, которые приводят типологии преступников, совершающих серийные преступления, принятые в зарубежной практике. Заслуживают внимания работы Ю.М. Антоняна, О.И. Бродченко, Л.П. Коньшевой, О.А. Логуновой, В.Н. Тележниковой, О.Д. Ситковской, А.И. Скрыпникова, построенные на анализе личности преступника и механизма преступления по раскрытым уголовным делам [2]. Сопоставление криминологической информации об уже известных совершенных преступлениях и криминалистической информации с места преступления, совершенного неизвестным преступником способствует выдвижению версий.

Особую роль при составлении психологического портрета отводится изучению особенностей выбора жертвы преступником [11]. Эту область знаний принято выделять в отдельное направление – виктимологию. Выбор жертвы, характер взаимодействий с ней, также является отражением портрета неизвестного преступника [14]. Изучение серийных преступлений дает основание полагать, что преступник имеет определенные предпочтения в выборе жертв, можно сказать «типаж», который основывается на каких-либо признаках, чаще внешних: элемент одежды, тип лица, цвет волос. Поэтому, практически все специалисты по портретированию неизвестного преступника отмечают необходимость получения подробнейшей информации о жертве, а также создания банков данных жертв, основанного на описании определенных признаков.

Специалист по психологическому портретированию также должен обладать элементарными знаниями в области психиатрии, чтобы понимать характер многих так называемых «безмотивных» преступлений. Как известно, серийным маньяками и убийцами часто становятся люди с психическими заболеваниями. Кроме того, специалист-психиатр понимает особенности развития психики и её патологий, а также механизмы проявления данных процессов в поведении человека. Считается, что история использования психологического портрета в раскрытии преступлений начинается с психиатра Джеймса Брасселя, который по просьбе полиции составил описание так называемого «безумного бомбителя» терроризировавшего жителей Нью-Йорка в 1954г. [9]. В Российской практике наиболее известны работы психиатра Бухановского А.О., созданной им научной школы в этой области на базе научного центра (ЛРНЦ) «Феникс». Он, в частности, был экспертом в деле Чикатило и во время следствия по просьбе оперативной группы составил психологический портрет преступника [3]. Также огромный вклад в развитие судебной психиатрии внесли ученые из Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России.

Важным компонентом в оставлении психологического портрета играют особые знания в области сексологии и сексопатологии, которые объясняют то или иное поведение серийных маньяков насильников, мотивы их противоправного поведения [5], [6]. Сексуальные девиации формируются по мере развития человека, закрепляются в период пубертата (полового созревания) и влияют затем на сексуальные предпочтения на протяжении всей жизни [4]. В этой области стоит отметить работы отечественных специалистов А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенского, Н.В. Дворянчикова, работающих над проблемами судебной сексологии [12].

В основу психологического портрета ложится также информация, добытая оперативным путем, т.е. специалисту могут быть предоставлены документы, являющиеся результатом оперативно-разыскных мероприятий (согласно Федеральному закону РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Связующим звеном в составлении психологического портрета, на наш взгляд, является психологический анализ. Под психологическим анализом следует понимать использование психологических знаний при исследовании тех или иных событий (в данном случае криминальных событий). Психологический анализ основывается на интерпретации фактов и сведений с точки зрения психологии личности (преступника и жертвы), психологии поведения (преступника и жертвы), а также психологии группы (влияния группы на поведение человека) и требует от специалиста глубоких познаний в этих областях [8].

Психологическая природа метода психологического портретирования заключается в том, что именно знания из её отраслей и помогают объяснить и понять действия преступника и жертвы. В Российской практике психологического портретирования применяется так называемый аналитико-психологический подход, который концептуально строится на основе теоретического положения о личностной детерминированности всякого поведения. Данное положение взято из работ в области общей психологии выдающихся ученых: отечественного психолога А.Н. Леонтьева [7] и немецкого ученого Х. Хекхаузена [13] и приумножено в прикладном значении в области психологического портретирования и психологического анализа преступной деятельности такими учеными, как А.И. Анфиногенов, Л.А. Бегунова, М.И. Еникеев, Л.П. Коньшева, Д.В. Миронов, Е.Г. Самовичев, В.Н. Тележникова и др.

Автор считает, что психологическое портретирование является одним из видов аналитической работы в органах внутренних дел, т.к. результатом деятельности по его составлению является новое знание о преступном деянии, преступнике и его жертве.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что составление психологического портрета требует интеграции из различных областей специальных знаний. В настоящее время в органах внутренних дел нет структуры, отвечающей за данный вид деятельности. Вероятностный психологический портрет могут составлять криминалисты, оперативные сотрудники (в виде диагностических и прогностических версий), иногда психологи органов внутренних дел (все эти специалисты владеют каким-либо компонентом знаний, требуемым для составления психологического портрета). Чаще всего, в случае резонансных преступлений, обращаются к сторонним специалистам-профайлерам.

Отсутствие постоянной должности специалиста по портретированию в органах внутренних дел объясняется несколькими причинами:

- нерегулярность такого рода преступлений (по сравнению, например, с кражами);
- трудоемкость и наукоемкость метода (требует специальных познаний);
- результатом деятельности является сужение круга подозреваемых лиц, результат носит вероятностный характер (нельзя указать точный адрес проживания и имя преступника).

Вместе с тем, когда подобные преступления случаются (психологическое портретирование используют обычно при раскрытии серийных и сексуальных убийств), это вызывает широкий общественный резонанс и тогда начинают пробовать различные способы раскрытия таких преступлений и задержания преступников, искать специалистов. На наш взгляд, такого рода деятельность требует не только специальных познаний, но аналитического склада ума, навыков в области анализа и прогнозирования. С развитием в

органах внутренних дел подразделений информационно-аналитического обеспечения, именно они могли бы занять эту нишу и развивать направление психологического портретирования совместно с уголовным розыском. Кроме того, этому способствует и развитие информационных технологий, применяемых в информационно-аналитическом обеспечении оперативно-разыскной деятельности.

Литература

1. *Анфиногенов А.И.* Портрет (профиль) неустановленного преступника психологический. Энциклопедия юридической психологии. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
2. *Бродченко О. И.* Использование психологических знаний о личности преступника при раскрытии серийных сексуальных преступлений : пособие / О. И. Бродченко, О. А. Логунова, Москва: ВНИИ МВД России, 2007.
3. Бухановский Александр Олимпиевич (1944–2013)//Психиатрия. 2013. № 2 (58). С. 66.
4. *Дворянчиков Н.В., Логунова О.А., Решетова Д.В.* Взаимосвязь некоторых личностных особенностей и характеристик криминального поведения у серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (дата обращения: 08.11.2015)
5. *Демидова Л.Ю.* Парафилии как диагностическая категория (реферативный обзор зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49295.shtml> (дата обращения: 08.11.2015)
6. *Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В., Демидова Л.Ю., Симоненкова М.Б.* Особенности полоролевой идентичности у лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49306.shtml> (дата обращения: 08.11.2015)
7. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. –М., 1988.
8. *Мусатова О.А., Шпагина Е.М.* Психологическое портретирование. М., 2014.
9. *Образцов В.А., Богомолова Н.Н.* Криминалистическая психология. М: Юнити-Дана, Закон и право, 2002 г. С. 81-87.
10. *Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А.* Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46577.shtml> (дата обращения: 08.11.2015)
11. *Серов А.Д., Сыроквашина К.В., Басинская И.А.* Установки по отношению к жертве у сексуальных правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право.

2011. №2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40911.shtml> (дата обращения: 08.11.2015)

12. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. М.: Бином, 2015.
13. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. – М., 1986.
14. *Целиковский С.Б., Михайлова О.Ю.* Динамика выбора жертвы как информативный признак при разработке психологического профиля серийного сексуального преступника. // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2015. № 2. С. 82-88.

Литература

1. *Афанасьев Г.* «Контра» с портфелями [Электронный ресурс] http://genadiafanassjev.blogspot.ru/2011/06/blog-post_694.html (Дата обращения: 25.05.2015).
2. *Лойтер С.М.* Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора// Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов/ Сост. А.Ф. Белоусов. – М., 1998. – 744 с.
3. Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.) Справочник/ Сост. И.А. Мазус при участии Н. Мазус и Н.Н. Михалевой. – М.: «Гос. Музей ГУЛАГа, 2014. – 368 с.
4. *Яковенко Е.В., Нелидов А.Л., Щелин Т.Т.* Девиантное и делинквентное поведение детей и подростков. – Красноярск, 2012. – 232 с.
5. ГАРФ (Государственный архив РФ). М., 2006. (Министерство народного Просвещения РСФР), оп.69.
6. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ), оп.23.
7. ЦГАМ (Центральный государственный архив Москвы). Ф. П-634 (Московский Городской комитет ВЛКСМ), оп.1.

The integrated nature of the method of psychological portraying in law enforcement

Shpagina E. M., candidate of psychological Sciences, head of Department of information security of educational-scientific complex of information technology of Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot (shpaginaelena@yandex.ru)

The article reveals peculiarities of using the method of psychological portraying in law enforcement, shows the current practice of using psychological knowledge in solving crimes, reveals an integration relationship of other Sciences with psychology with the use of the method of psychological portraying the disclosure of crimes. The article presents a comprehensive approach to the psychological profile of an unknown offender. Psychological portraying of an unknown offender is regarded as a form of analytical work in solving crimes, which integrate information and knowledge from various Sciences such as forensics, criminology, detective work, psychiatry, sexology, victimology, etc. Psychological science (information of its various branches) is a fundamental element that helps to explain, interpret and describe the behavior of the offender and the victim to resolve the problems of law enforcement.

Keywords: the method of psychological portraying, psychological analysis of criminal activity, analytical work in law enforcement, profiling.

References

1. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtjarev A.V. K voprosu obosnovanija modeli professional'noj dejatel'nosti [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. 2012. №2. S. 1–14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (data obrashhenija: 12.09.2015).
2. Vasiljuk F.E. Psihologija perezhivaniya. M.: Izd-vo MGU, 1984. 200 s.
3. Volcheckaja T.S. Kriminalisticheskaja situologija: monografija / Pod red. prof. N.P. Jabloкова. M.: Kaliningr. un-t; Kaliningrad, 1997. 248 s.
4. Volcheckaja T.S. Situacionnyj podhod v prakticheskoj i issledovatel'skoj kriminalisticheskoy dejatel'nosti: ucheb. Posobie. Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1999. 73 s.
5. Grishina N.V. Psihologija konflikta. 2-e izd. SPb.: Piter, 2008. 538 s.
6. Kudrjavcev V.N. Juridicheskaja konfliktologija. M.: Nauka, 2000. 501 s.
7. Obshhaja psihologija / Pod red. M.V. Gamezo. M.: Os'-89, 2007. 352 s.
8. Prikladnaja juridicheskaja psihologija / Pod red. A.M. Stoljarenko M.: Juniti, 2001. 639 s.

-
9. Prusakov A.D. Dejstvie i bezdejstvie kak formy juridicheski znachimogo povedenija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2008. 32 s.
 10. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugolovnom processe. M.: Gardarika, Smysl, 1998. 192 s.
 11. Sele G. Stress bez distressa. M.: Progress, 1979. 128 s.
 12. Shipunov I.V. Juridicheskaja situacija kak obshheteoreticheskaja kategorija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2009. 24 s.